Чужое сердце

Автор:
Ирина Градова

Чужое сердце

Ирина Градова

Врачебные секретыСыщица в белом халате #5

В отдел медицинских расследований, где работает врач Агния Смольская, поступила информация о мальчике, найденном в кафе и доставленном в одну из городских больниц. Ребенок слишком мал, чтобы сказать, где находится его дом, и объяснить, что с ним произошло… Его родители заявили: их сына похитили три месяца назад. Внимательно обследовав мальчика и отца с матерью, Агния и ее коллеги сделали шокирующее открытие – он не может быть их сыном. Супруги ни о чем не подозревали: да, они прибегли к процедуре искусственного оплодотворения, но были уверены – они растят родного ребенка! Следы этой запутанной истории привели в клинику «Шаг в будущее». Там успешно помогали людям, которые никак не могли завести ребенка, однако, похоже, этим их деятельность не ограничивалась…

Ирина Градова

Чужое сердце

Пролог

2000 год

Даша посмотрела на мужа – впервые за все время, что они находились в кабинете доктора Селиванова. Петр выглядел удрученным, но она с изумлением заметила, что в его глазах отсутствовало то отчаяние, которое, вероятно, сейчас читалось в ее собственных. Муж то ли не понимал всей серьезности происходящего, то ли считал, что власть и деньги действительно могут ВСЕ! Обычно так оно и было, но… Не сейчас, нет, только не сейчас!

– Пересадка возможна? – спросил Петр, обращаясь к врачу.

Георгий Андреевич Селиванов уже давно стал практически членом семьи, более того, он являлся личным другом Петра, но даже он понимал, что, как бы ни старался, шансы найти подходящего донора очень невелики.

– Понимаешь, – осторожно ответил он, – я этого не исключаю, однако… Вы же не забыли, с каким трудом нам удавалось добыть кровь для переливания? Редкая группа, отрицательный резус. С почкой, боюсь, возникнет та же проблема. Во-первых, как вы сами знаете, существует очередь…

– К черту очередь, Гоша! – взревел Петр, приподнявшись и нависнув над врачом. – Ты мне это говоришь? МНЕ?!

Конечно, он прав, с тоской подумал врач. Будучи одним из основных спонсоров клиники, Петр Авраменко сделал для маленьких пациентов столько, что подсчитать его заслуги не представлялось возможным. С другой стороны, стал бы он этим заниматься, не окажись его собственный ребенок в тяжелом положении? Что-то подсказывало Георгию: нет. Селиванов никогда не заблуждался на этот счет, ведь Петр – бизнесмен, большую часть времени думающий лишь о капиталовложениях и прибылях, и в его натуре склонности к благотворительности ровно столько, сколько необходимо, чтобы обеспечить сыну надлежащий уход и соответствующее отношение медперсонала. Тем не менее каковы бы ни были его мотивы, их нельзя сбрасывать со счетов. И именно Георгию выпало тяжкое бремя донести до приятеля печальную весть о том, что мальчику, скорее всего, он помочь не сможет. Однако прежде чем он собрался с мыслями, Петр сказал:

– Сколько?

Селиванов даже не сразу понял смысл вопроса.

– Что – сколько? – переспросил он.

– Да брось! Сколько нужно, чтобы передвинуть очередь и поставить Витьку в самое ее начало? Ты же знаешь, деньги не имеют для меня значения.

– Прекрати, Петя! – сдвинув брови, потребовал врач. – Если бы дело шло только о деньгах, я так и сказал бы тебе, поверь! Дело, к сожалению, не только в этом. По-моему, ты не понимаешь…

– Не понимаю?! Да, я действительно не понимаю, почему, потратив чертову тучу бабок на твою богадельню, я не могу получить то, что мне требуется!

– Не надо, Петя… – начала Даша, пытаясь положить руку на плечо мужа, но он с неожиданной злобой оттолкнул ее и продолжил:

– Я знаю, как делаются такие дела, можешь мне сказки не рассказывать. Разве такая большая проблема достать почку для пересадки? Ежедневно в стране гибнут тысячи детей, и я ни за что не поверю, что мой собственный ребенок станет одним из них просто из-за какой-то очереди!

– Ты меня совсем не слушаешь, – вздохнул Селиванов, устало снимая очки и потирая веки. – Дело даже не в этой пресловутой очереди – с ней я еще мог бы что-то сделать. Проблема в том, что достать нужную почку очень трудно. У Вити уже состоялась одна пересадка – и отторжение, и это несмотря на то, что, казалось, все соответствовало необходимым требованиям. Я даже не уверен, что, найди мы снова подходящую почку, мальчик переживет повторную пересадку…

– Это не твоя печаль, Гоша! – прервал друга Петр. – Ты просто найди мне почку. Витька сильный, он очень хочет жить, понимаешь? Он выдержит!

Селиванов с тоской посмотрел на Дашу. Она, похоже, прекрасно понимает, что сделать ничего нельзя. Если бы решал он, то им вообще не следовало жениться – слишком неудачное сочетание генов. Однако какие же пары приходят к врачу перед свадьбой, чтобы выяснить, насколько хорошо они друг другу подходят? Даша еще молодая, она может родить, и не раз, вот только стоит ли это делать? Где гарантия, что со следующим ребенком не произойдет то же, что и с Витей?

Георгий всегда с трудом переживал неприятную обязанность сообщать родителям о том, что у их детей практически нет шансов на выздоровление, но в этот раз все по-другому: Петр – его друг. Что ж, если он так хочет, возможно, у Георгия и получится предоставить мальчонке второй шанс, но вот гарантировать благоприятный исход он не сможет. Черт, да сам господь бог не смог бы этого сделать в таких обстоятельствах!

* * *

С самого начала идея начать изучение английского показалась мне абсурдной. Когда тебе почти сороковник, разве можно мечтать о том, чтобы по-настоящему освоить иностранный язык? В школе я изучала французский, более того, он плохо мне давался, и я никогда не получала по этому предмету больше тройки! Тем не менее у меня и в самом деле появилось больше времени: меньше часов в больнице, никаких заданий от ОМР, и даже замужняя жизнь, ничуть не изменившая мой привычный образ существования, а ведь именно этого я и боялась больше всего.

Честно признаюсь, я никогда не жила так хорошо, как в последние месяцы, и материальный аспект играл в этом немаловажную роль. Олег хорошо зарабатывал, да и деньги от ОМР здорово изменили наше благосостояние в лучшую сторону. Мы могли бы даже поехать отдыхать в какое-нибудь экзотическое место, если бы не постоянная занятость Шилова и невозможность оторваться от рабочего места. Раз в неделю я стала посещать салон красоты, записалась в бассейн – в общем, получила возможность расслабляться, чего раньше никак не могла себе позволить. Беготня по частным пациентам, установка капельниц, уколы, бесконечные ночные дежурства в надежде подработать – все это осталось в прошлом. Но человек удивительно быстро привыкает к хорошему, а потому я, признаться, уже начинала скучать. Свободное время оказалось мне не так уж и нужно, ведь Олег занят, Дэн большую часть времени предпочитает проводить с друзьями, а я, получается, должна сама искать, чем бы себя занять? Странно, но раньше я мечтала о том, чтобы работы было поменьше, а теперь маялась от безделья, потому что в больнице проводила не больше трех дней в неделю. Конечно, я могла бы взять больше часов, но тогда моя деятельность в Отделе медицинских расследований оказалась бы под угрозой, ведь для выполнения время от времени поступающих поручений приходилось бы постоянно отпрашиваться у заведующей отделением. Кто станет держать такого врача? С одной стороны, я чувствовала, что отдыхаю и высыпаюсь, с другой – моя деятельная натура требовала дела, работы,

напряжения, а все это как раз и отсутствовало!

Именно это обстоятельство подвигло меня на то, чтобы обратиться к бывшей старосте нашей группы, Лене Изюмской. Она давно звала меня на кафедру в мед, а я все кормила ее «завтраками». Преподавание всегда меня привлекало. Мама до выхода на пенсию являлась директором школы, папа преподавал в университете, и я стала первой, нарушившей семейную традицию и посвятившей жизнь медицине. Видимо, гены все же дали о себе знать. Я люблю заниматься со студентами, поэтому практикантов в отделении обычно всегда поручают мне, зная, что я, в отличие от большинства врачей, не посчитаю занятия с ними обузой, а с удовольствием пообщаюсь с молодежью. Присутствие студентов всегда действует на меня положительно, так как среди них я и сама начинаю чувствовать себя гораздо моложе своего возраста, а это, как вы понимаете, положительно влияет на мою нервную систему и самооценку.

Итак, Лена с радостью восприняла мое решение попробовать преподавать на кафедре меда и тут же нашла мне место. Часов, правда, пока было всего шесть, то есть три лекционные пары, но это-то как раз пришлось мне на руку: требовалось появляться на рабочем месте всего раз в неделю. Так как я являюсь кандидатом медицинских наук, в ближайшем времени меня могло ожидать место доцента. Кроме того, Лена заметила, что мне следует «развиваться и расти», а потому, возможно, следовало подумать о докторской диссертации. Работая в профильном вузе, написать ее гораздо легче. Эта мысль немного меня повеселила: вот будет номер, если я стану доктором раньше, чем Шилов, ведь он, занятый своей новой должностью заведующего, практически забросил научную работу!

Однако пока мои планы вовсе не простирались так далеко, достаточно и простого преподавания. Оно позволит мне постоянно держать себя в тонусе и потребует чтения профессиональной литературы, чтобы быть в курсе новейших разработок в своей области. Не секрет, что большинство врачей теряют связь с наукой, полностью погружаясь в практику. Прохождение квалификационной комиссии в большинстве случаев является чистой формальностью, хотя и здорово действует на нервы тестируемого, но ничуть не повышает его мотивацию к познанию чего-то нового. К сожалению, в наше тяжелое время врачам, как и работникам других специальностей, приходится в первую очередь беспокоиться о хлебе насущном, отсюда и нежелание развиваться в профессии.

Вот тут-то у Шилова и родилась мудрая мысль о том, что мне прямо-таки необходимо выучить наконец хоть какой-то из основных европейских языков. Конечно, можно было продолжить с французским, но неприятные школьные воспоминания навсегда отбили у меня охоту его изучать. Шилов в совершенстве владеет немецким, так как учился и некоторое время даже работал в Германии, но он твердо сказал, что за его изучение мне не стоит даже браться: слишком сложно. И мы остановились на английском – все-таки язык международного общения. Большинство профессиональных материалов издаются именно на нем. Интернет, опять же, весь на английском, что значительно облегчает доступ к необходимой информации. Ну и немаловажную роль сыграло то, что, с точки зрения студента, английский гораздо легче большинства европейских языков!

Вот так и получилось, что я вновь села на студенческую скамью – никак не думала, что когда-нибудь решусь на подобный эксперимент! Олег сам нашел мне курсы. Преподавание велось по новой методике, не предполагавшей усиленной зубрежки, а практически целиком основанной на живом общении. В группе было семь человек разного возраста – от двадцати пяти до шестидесяти лет, и я втайне порадовалась, что являюсь не самой старшей, так как боялась оказаться среди детей и подростков, которым, в отличие от взрослых, учение обычно дается легко. Как выяснилось буквально на первом занятии, нам очень повезло с преподавателем. Им оказалась симпатичная стройная женщина примерно моего возраста. Звали ее Елена Вадимовна Красина, однако, увидев, что группа состоит из взрослых людей, она тут же предложила отбросить в сторону формальности и называть ее просто Леной. Разумеется, мы с радостью согласились. Лена сумела сделать так, что нам стало интересно на ее занятиях. Мы быстро сдружились, начали встречаться и в неучебное время. Это предложила именно наша преподавательница. Частенько мы приходили к ней домой. Лена жила с престарелой матерью и восьмилетним сынишкой Владиком. Занятия проходили три раза в неделю, а раз в две недели мы обычно шли в кафе или ресторан, где общение протекало, по возможности, на английском языке. Сначала это выглядело довольно примитивно, так как мы знали слишком мало, чтобы поддерживать полноценную беседу, но со временем я поняла, что желание высказаться непременно влечет за собой дополнительную работу, которая не кажется трудной именно потому, что тебе действительно хочется донести свою мысль до окружающих. Так как общаться по-русски Лена категорически запрещала, нам приходилось как-то выходить из положения. В результате примерно через четыре месяца я смогла худо-бедно читать журналы – со словарем, конечно, но это уже казалось мне огромным прогрессом. С разговорной речью дело обстояло куда лучше, и моя самооценка здорово выросла по сравнению с началом курса. Учеба стала для меня не только

способом получения знаний, но и своеобразным клубом по интересам. Шилов со смехом замечал, что я променяла один вид деятельности на другой и мы по-прежнему видимся мало. Однако, так как в этом есть и его вина, Олег не пытался жаловаться: проводя слишком много времени на работе, он никогда не приходил домой рано, и я почти всегда оказывалась там раньше его, несмотря на занятия, бассейн и прочие дела.

Вот и сегодня, в субботу, Олегу пришлось ехать в больницу, а у меня должны были состояться очередные «посиделки» с группой. Как обычно, я на несколько минут опоздала, и к моему прибытию все уже сидели в кафе «Каприз» неподалеку от набережной Фонтанки. К моему удивлению, Лена еще не появилась: обычно она приходит одной из первых. Тем не менее мы заказали кофе и болтали в ожидании педагога. По прошествии двадцати минут один из моих одногруппников, мужчина чуть за пятьдесят, с беспокойством сказал:

– Надо бы позвонить Елене, а то вдруг что случилось по дороге?

Мы так и сделали. К телефону никто не подошел. Наше хорошее настроение постепенно улетучивалось. Выпив несколько чашек кофе, мы мрачно разошлись по домам. Меня не покидало неприятное ощущение того, что с Леной наверняка что-то случилось, ведь никогда до этого она нас не подводила. Тем не менее произойти могло все, что угодно, и вовсе не обязательно – трагедия. Для себя я решила, что вечерком обязательно позвоню Лене и выясню, почему она не пришла на запланированную встречу.

Дома, как обычно, нашлась масса дел, требующих моего немедленного вмешательства. Теперь я и сама путаюсь, какое именно место называть домом – квартиру Олега или свою собственную. Я характеризую этот факт положительно. Раньше я просто не могла подолгу оставаться у Шилова, меня постоянно тянуло домой, а у него я чувствовала себя не в своей тарелке, как в гостях. Чтобы изменить мое отношение, сразу же после свадьбы Олег предложил мне заняться обустройством нашего «семейного гнездышка». Надо признать, это действительно помогло. Я принялась носиться по магазинам в поисках мебели, так как Олег за все время проживания в этой квартире не озаботился покупкой самого необходимого. Я приобретала все – от кресел до занавесок, от кухонных принадлежностей до скатертей и ковриков в прихожую. В результате моими стараниями жилище преобразилось до неузнаваемости, а я, сознавая свою причастность к этому, начала воспринимать квартиру Олега как свою собственную. По своему старому адресу я теперь бывала только для того, чтобы

пообщаться с мамой, сыном и Кусей, моей огромной черной терьершей. Я надеялась перевезти собаку на новое место жительства, и Олег не возражал, так как и сам любит животных. Однако мои родичи встали стеной на защиту своего права на Кусю, и мне пришлось удовольствоваться лишь кратковременными свиданиями с моей «бывшей» собакой. Но я отвоевала себе право время от времени забирать ее к себе!

Когда я практически уже закончила с домашними делами, включавшими уборку и стирку, Шилов позвонил с работы и предложил пообедать в ресторане. После обеда нам пришло в голову сходить в кино – сразу на два сеанса, так что домой добрались лишь к десяти вечера. Я решила, что еще не поздно позвонить Елене, так как в такое время кто-то обязательно должен быть дома. Трубку сняла ее мама. На мой вопрос, не случилось ли чего, женщина извинилась и скупо ответила, что сын Лены неожиданно заболел, и она не успела предупредить группу. Я спросила, насколько серьезна ситуация и не нужна ли помощь, но мама Лены заверила меня, что все в порядке, и она сейчас в больнице с ребенком. Ближайшее занятие, в связи со случившимся, отменяется, но Лена обязательно перезвонит и скажет, когда уроки возобновятся.

– Ну что? – поинтересовался Олег, которому я рассказала об отменившейся встрече с преподавателем.

– Да все в порядке вроде бы, – неуверенно ответила я. – Просто у Лены сын заболел.

– А почему тогда такой тон? – удивился он.

– Даже не знаю… Что-то здесь не так.

– Да брось ты, Пинкертон! – рассмеялся Шилов, утягивая меня на недавно купленный диван. – Тебе везде мерещатся преступления – даже в такой банальной вещи, как болезнь ребенка!

Наверное, Олег прав: я действительно стала очень подозрительной в последнее время. Надо с этим что-то делать.

* * *

Осень – грустное время. Еще тепло, но дни неуклонно становятся короче, солнце светит все так же ярко, но уже не дает столько тепла, как весной или летом, а дожди затягиваются на целые часы, а то и дни. Их тяжелые капли сбивают с деревьев желтые листья, которые уже едва держатся на ветках. Они опадают прямо тебе под ноги, словно страницы зачитанной до дыр книги. Так что, несмотря на хорошую погоду, мое настроение в этот день оставляло желать лучшего.

С недавних пор я стала замечать, что отношение ко мне в моей больнице изменилось. Оно не стало лучше или хуже, но раньше я была как все – рабочая лошадка, озабоченная тем, как бы «сшибить» лишнюю копейку, готовая трудиться в выходные и праздники. Дома меня не ждал муж, требующий внимания, ребенок уже вырос, мама, к счастью, не требовала неусыпной заботы, и потому вся моя жизнь сосредоточивалась на рабочем месте – и именно это делало меня нормальной, похожей на всех остальных. Теперь все изменилось. Мне больше не нужно сильно напрягаться, рвать жилы ради куска хлеба, дома меня ждут и любят, и не кто-нибудь, а муж, заведующий отделением травматологии и ортопедии. Я работаю в вузе, проводя в больнице не так уж много времени, и некоторым моим коллегам моя жизнь, видимо, кажется чересчур уж «богемной» для простого российского врача. Это порождает зависть и недоброжелательство – слава богу, никто, кроме моей заведующей Охлопковой, не знает о том, что я являюсь штатной сотрудницей ОМР, иначе, боюсь, меня вообще игнорировали бы, как парию, человека, находящегося, так сказать, вне касты врачей! В общем-то, оно и понятно: к Отделу медицинских расследований относились точно так же, как силовые структуры относятся к Службе собственной безопасности: кому понравится, когда кучка посторонних людей копается в твоем грязном белье? Поэтому и я, и Охлопкова считали за лучшее помалкивать о еще одной моей работе.

На самом деле далеко не все коллеги относятся к моему изменившемуся статусу подобным образом – в основном это касается только моего отделения анестезиологии и реанимации, где я, к счастью, появляюсь довольно редко в силу того, что тружусь исключительно в операционной. Тем не менее иногда я все же чувствую обиду, когда ощущаю на себе косые взгляды или ловлю чью-то кривую усмешку, неожиданно обернувшись. Может, пора подумать о смене места работы? А что – хорошие анестезиологи нужны везде, вот, например, в частных клиниках, где работают многие из моих бывших однокашников. Стоит лишь снять трубку, и «тепленькое» местечко у меня в кармане! Но я, к сожалению, из тех людей, которые панически боятся перемен. Именно поэтому я

так долго размышляла над тем, стоит ли выходить замуж за Олега и надо ли соглашаться работать в ОМР. Разумеется, я могла уволиться, но за долгие годы так привыкла к тому, что в моей больнице мне все знакомо, и не только люди, но и предметы, порядки, каждый угол, каждый предмет мебели… Нет, все же еще рано думать об уходе. Может, это осень так на меня действует? В такие минуты я начинаю задумываться о собственном возрасте. Чего я достигла в этой жизни? Вышла в первый раз замуж – неудачно. Родила Дэна – это, пожалуй, большая удача, и я не устаю благодарить бога за то, что у меня такой замечательный сын. Работала много лет в одном и том же коллективе, не хватая звезд с неба, но все же хорошо себя зарекомендовав перед коллегами и начальством. Потом встретила Олега…

Мои размышления прервал телефонный звонок. Он завопил так громко, что я подпрыгнула от неожиданности. Я давно жаловалась сынуле, что не слышу звонка мобильного, когда он у меня в сумке, и Дэн «скачал» мне из Интернета такой звонок, что и мертвого разбудит.

– Лицкявичус, – раздалось в трубке. Глава ОМР всегда представлялся, хотя и знал, что его имя высвечивается на экране. – Вы сейчас где?

– Иду домой, – ответила я. – А что?

– Сможете подъехать к детской больнице № … через полчаса?

– Да, а что…

– Я вас встречу у главного входа, – сказал Лицкявичус, не позволив мне закончить вопрос, и дал отбой. Что ж, это его обычная манера вести беседу, так стоит ли удивляться? Меня иногда посещает мысль, что у нашего начальника существует некий пунктик, связанный с тем, кто должен начинать и заканчивать разговор. Может, он так спешит сказать последнее слово, потому что боится услышать то, к чему не готов? Или просто опасается быть прерванным на полуслове, потому и торопится прервать собеседника сам? Или… Или, что, наверное, ближе всего к правде, Лицкявичус – просто дурно воспитанный, желчный тип, презирающий женский пол и не терпящий возражений и обсуждений собственных приказов – возможно, сказывается военное прошлое! Почему я до сих пор ему этого не высказала? Не знаю. Наверное, потому что, несмотря на все его недостатки, на этого человека всегда можно положиться в

трудную минуту. Он не раз выручал и меня и других моих коллег по ОМР, когда, казалось, все так плохо, что хуже уже и быть не может. И еще: являясь сотрудницей Лицкявичуса, я всегда знала, что он встанет на мою сторону, что бы ни случилось, – перед непосредственным начальством, перед милицией, властными структурами и даже потусторонними силами, если понадобится. Вот поэтому я и терплю его.

До больницы меня довезла маршрутка. Как и обещал, Лицкявичус ждал меня на скамейке напротив главного входа.

– Что за спешка? – спросила я, поздоровавшись. – Новое дело?

– Пока неизвестно, – ответил он, осматривая меня с головы до ног, что показалось мне странным. Мы не виделись с главой ОМР с самой моей свадьбы. Вернее, на свадьбе он отсутствовал, хотя и был приглашен. Насколько я знала, Лицкявичус уезжал в командировку, но никто не знал, куда именно. – Хорошо выглядите – брак явно пошел вам на пользу, Агния.

Он сказал вроде бы комплимент, но таким тусклым голосом, словно гораздо больше обрадовался бы нашей встрече, если б я находилась в коме или, как минимум, с головы до пят в гипсе!

– Поступил сигнал, – сказал Лицкявичус, направляясь к входу и вынуждая меня почти бежать, примериваясь к его широкому шагу. – Мальчик, пять лет, зовут Толик Лавровский – он сам так представился. Сейчас Карпухин пытается разыскать его родителей, но ребенок не знает своего адреса, так что это займет некоторое время.

– И что не так с этим Толиком? – поинтересовалась я. – Почему вам сообщили? Он болен?

– Абсолютно здоров, по крайней мере – был здоров, пока у него не отхватили кусок печени.

– Что-о-о?! – взвизгнула я, останавливаясь: если бы я была автомобилем, то забрызгала бы Лицкявичуса грязью, вырвавшейся из-под колес при столь резком торможении.

– Успокойтесь, Агния, – вздохнул Лицкявичус, прекрасно знавший о моем отношении к детям. – С ним все будет в порядке: печень, она ведь, как саламандра, способна к регенерации, так что через пару лет мальчишка и не вспомнит ничего!

– Послушайте, Андрей Эдуардович, я что-то не понимаю – кто «отхватил» у Толика кусок печени, почему и где?

– К сожалению, я не знаю ответа ни на один из ваших вопросов. Возможно, врачи прояснят дело?

Мы не пошли к заведующему отделением реанимации: в приемном отделении сказали, что Лавровского уже перевели в обычную палату в хирургическом отделении. Лицкявичус на пару минут заскочил в кабинет завхирургией, после чего вышел в сопровождении невысокого пожилого мужчины и назвал номер палаты. Было время ужина. По коридорам сновала нянечка с большим алюминиевым столом на колесиках, жутко громыхавшим по каменному полу. Запахи, исходящие от огромных кастрюль, на мой взгляд, могли вызвать аппетит лишь у очень голодных или совсем неприхотливых людей.

Я ожидала увидеть Толика лежащим в койке, но дети, находившиеся в палате, сидели на краешках своих кроватей, болтая ногами, переговариваясь и с интересом глядя в экран маленького черно-белого телевизора (где они только достали такую допотопную модель?). Показывали старый мультфильм – кажется, «Ежик в тумане».

– А вот и наш Толик, – сказал заведующий хирургией, подходя к светловолосому мальчику в застиранной больничной футболке с инвентарным номером на рукаве.

Большие серые глаза с любопытством взглянули на нас.

– А где мама? – спросил мальчик, переводя взгляд с Лицкявичуса на меня.

– Мы ее ищем, милый, – сказала я. – Обязательно найдем – очень скоро!

– Подними-ка футболку, приятель, – сказал заведующий. – Пусть тетя с дядей посмотрят на твои «боевые шрамы».

Видимо, Толику приходилось это делать не впервые, потому что он с готовностью задрал одежку, продемонстрировав большой, но аккуратный шов с правой стороны.

– Безупречная работа! – задумчиво прокомментировал Лицкявичус.

Я посмотрела на него расширенными от ужаса глазами: неужели это все, что он может сказать?!

– Это верно, – согласился заведующий. – Работа настоящего мастера. Мальчик чувствовал себя неплохо, когда его привезли, а это значит, что после операционного вмешательства имел место период реабилитации. Судя по всему, ребенку переливали кровь, – он указал на следы от игл или капельниц на локтевых сгибах рук Толика. – Мы поначалу поместили его в реанимацию просто потому, что боялись за последствия, но очень быстро перевели в обычную палату.

Во время разговора я наблюдала за маленьким пациентом. Наша беседа не представляла для него ни малейшего интереса, поэтому он вернулся к просмотру мультика, больше не обращая на нас внимания.

– Думаю, нам лучше вернуться в мой кабинет, – предложил заведующий отделением.

– Где нашли мальчика? – спросил Лицкявичус, как только мы расселись вокруг стола.

– На лавочке у одного из торговых центров, кажется, – неуверенно ответил зав. – Если нужно, я выясню в приемном.

– Да, нужно, – кивнул глава ОМР. – Это может оказаться важным. Еще надо узнать, как случилось, что он вообще попал в такую ситуацию. Хорошо бы поглядеть на его мамашу – возможно, нам следует обратиться в социальную службу?

– Подождите! – возмутилась я. – Зачем сразу такие крайние меры? Мальчик выглядит вполне ухоженным, на его теле нет следов побоев, да и маму он хочет видеть, разве не понятно? Если бы его избивали дома или плохо относились, думаю, Толик не спрашивал бы о матери и не хотел поскорее вернуться домой!

Социальные службы по защите материнства и детства с недавних пор стали настоящим «пугалом» для несчастных родителей. Как показывает практика, всем глубоко наплевать, что происходит с ребенком за стенами квартир – это доказывают многочисленные случаи доведения детей до голодной смерти, бесчеловечные наказания родителями и даже побои, заканчивающиеся смертью. Ни один голос, как правило, не поднимается в защиту несчастных! Тем не менее если соответствующий сигнал все же поступает, дети немедленно отбираются у родителей и водворяются в детский дом. При этом чрезвычайно мало внимания уделяется тому, виноваты ли мать или отец в случившемся, или нет. У меня складывается впечатление, что, как и во многих ситуациях в российской системе права, мы снова имеем дело с перегибами. С одной стороны, дети абсолютно беззащитны перед родительской жестокостью, с другой – совершенно нормальным родителям частенько приходится доказывать свою состоятельность лишь потому, что кому-то из представителей социальных служб показалось, что они состоятельными не являются. Видимо, как в старые времена существовала необходимость «давать план», так и сейчас мы имеем дело с чем-то похожим, требующим от органов соцзащиты повышенного внимания к делам, которые на самом деле и яйца выеденного не стоят. Я не хочу сказать, что изъятие у ребенка части печени не является преступлением, но не лучше ли сначала разобраться, прежде чем немедленно огульно обвинять мать или отца?

Лицкявичус неодобрительно взглянул в мою сторону, но сказал:

– Разумеется, сначала нужно выяснить все как следует. Что говорит сам мальчик?

– Ну, вы же понимаете – ему всего пять! – развел руками заведующий. – Что он может рассказать? Говорит, что потерял маму, а некая тетя обещала ему ее найти. Это все, что мы смогли из него вытянуть.

Лицкявичус в задумчивости потер длинными пальцами подбородок.

– Ладно, – проговорил он наконец, – полагаю, с этим я смогу справиться: у меня на примете тоже имеется одна тетя, которая поможет разговорить малыша. Пока что позаботьтесь о нем как следует, а мы разберемся с мамашей.

Покинув больницу, мы пошли к припаркованной за воротами больницы машине Лицкявичуса. Он молчал, и я подумала, что глава ОМР разозлился на меня.

– Послушайте, Андрей Эдуардович, насчет соцзащиты, я вовсе не имела в виду…

– Да ладно вам, Агния Кирилловна, – прервал он меня. – Может, я и в самом деле поторопился!

Я не ожидала, что Лицкявичус со мной согласится, а потому просто не нашлась, что на это ответить. Вспомнилось то, что рассказывал Никита о его семье. Все, что было мне известно – что у моего начальника есть дочь, но вот уже много лет ни он, ни его бывшая жена ничего о ней не слышали. Судя по всему, Лицкявичус был не слишком-то опытным папашей. Постоянно находясь в разъездах по горячим точкам, он крайне редко проводил время с семьей, и дочь Лариса выросла практически без его участия. Очевидно, когда он все же решил заняться ее воспитанием, оказалось уже слишком поздно. Что он вообще знал о детях? Иногда мне казалось, что он их побаивается, а то и вообще думает, что они появляются на свет уже с усами или грудью второго размера. Странный он человек, Лицкявичус!

В машине он закурил, а я открыла окно, чтобы дым выветривался. Вообще-то я терпеть не могу курения в моем присутствии, но глава ОМР никогда не спрашивает разрешения. Кроме того, он курит очень дорогие сигареты, и их запах раздражает не так сильно, как большинство других.

– Ну, – сказал Лицкявичус, выпустив дым через ноздри несколько раз, – что скажете?

– Ужас! – мгновенно ответила я. – Просто кошмар какой-то, вот уж не думала, что когда-нибудь столкнусь с кражей органов! По телевизору много раз видела передачи, фильмы, опять же – но лично?!

Лицкявичус молча стряхнул пепел за стекло, и я решила спросить:

– А вы-то сами что думаете?

– Я думаю, что мальчишке здорово повезло, – ответил он, откидываясь на спинку сиденья. – Обычно в таких случаях они не возвращаются.

Сначала я не поняла, что имел в виду глава ОМР, но потом ужаснулась, подумав, что он, скорее всего, прав. Толик остался жив, и это большая удача, ведь у него всего лишь отрезали кусочек плоти. Конечно, «всего лишь» звучит цинично, но Лицкявичус прав, и через несколько лет малыш и не вспомнит о том, что с ним произошло. А вот его родители до конца своих дней станут вспоминать обстоятельства этого дела, как свой самый худший кошмар!

– Еще я думаю, – продолжал между тем Лицкявичус, – что работали профи. Операция проделана чисто – это прекрасно видно и на рентгене, и на УЗИ. Швы аккуратные, и создается впечатление, что те, кто проводил хирургию, не хотели причинить ребенку больший вред, чем необходимо.

Я заметила, что мой начальник старательно избегает называть тех, кто искалечил Толика, врачами, он использует слово «профессионалы», даже слова «люди» Лицкявичус не произносил.

– Что вы хотите сказать? – попыталась уточнить я.

– Только то, что для проведения операции такого уровня необходимы соответствующие условия. В подвале или на чердаке ничего подобного сделать невозможно, значит, у них есть подходящее помещение. Дальше. Мальчику переливали кровь – вы не могли не заметить следы от игл у него на сгибах локтей, да и вообще подобные операции проходят с большой кровопотерей. У него вторая группа А, отрицательный резус. Это значит, что у преступников имелся доступ к крови и плазме.

– Они могли купить ее? – предположила я. – В любой больнице можно это сделать – мы и не с таким сталкивались!

– Вы правы, – кивнул Лицкявичус. – В наше время все продается и покупается – даже дети и органы.

Он произнес это без всякого выражения, и я почувствовала, что за этим стоит нечто большее, нежели простое возмущение ситуацией. К своему стыду, должна признать, что за все время нашего общения глава ОМР так и остался для меня загадкой. Случайно мне удалось узнать, что когда-то он здорово пил, но потом, в одночасье, сумел взять себя в руки и избавился от пагубной привычки. Еще мне было известно, что жена Лицкявичуса впоследствии вышла замуж за его бывшего однокашника, у которого имелся сын Никита – тот самый, что сейчас также работает в ОМР, – вот и вся информация, находившаяся в моем распоряжении. И еще меня постоянно поражала способность моего босса подмечать мелкие детали. Я ведь тоже читала отчет лечащего врача Толика, но не запомнила группу крови!

– Вы что, серьезно думаете, что в какой-то клинике могут проводиться подобные нелегальные операции? – недоверчиво спросила я.

– Нельзя исключать и такой расклад, – кивнул Лицкявичус, поворачивая ключ в замке зажигания. – Будем выяснять. В любом случае надо, чтобы Никита посмотрел ребенка. Он все же трансплантолог, хоть обычно с детьми дела и не имеет, – возможно, увидит то, чего не можем мы с вами. Однако, – добавил он, – у меня есть ощущение, что наш мальчик – далеко не последний в этой цепочке и, возможно, даже не первый.

* * *

Придя домой, я сразу почувствовала, что Шилов уже там, несмотря на то, что свет везде был выключен, хотя на улице уже стемнело.

– Эй! – позвала я в пустоту, одновременно стаскивая сапоги и влезая в тапочки. – Есть кто живой?

Так как Олег не отзывался, я прошла в гостиную. Не найдя его там, я открыла дверь спальни. Шилов в одежде лежал на кровати, освещенный только огнями улицы, проникавшими сквозь большое окно-эркер.

– Ты чего тут? – встревожилась я, приближаясь. – Заболел?

– Умер, – слабо отозвался Олег, убирая руку, которой до того прикрывал глаза.

– Неужели? – усмехнулась я, поняв, что не все так плохо, как казалось вначале, если Олег еще способен шутить. – А диагноз?

– Видимо, шизофрения, – простонал он, – осложненная открытой черепно-мозговой травмой.

– Ужасно, – промурлыкала я, подползая к Олегу и просовывая руку под его шею, щекоча затылок. – Просто ужасно! Знаешь, у меня есть один очень хороший психиатр…

Олег застонал и перекатился на бок, так что его глаза оказались на одном уровне с моими.

– Есть нечего, – сказал он. – Не мог заставить себя подняться и что-то приготовить.

– Не волнуйся, я сама все сделаю, – потрепала я Олега по щеке.

– Ты просто перпетуум-мобиле какой-то, Агния! – пробормотал Олег. – А я вот ощущаю себя старой развалиной.

– Ну, развалиной – возможно, – безжалостно согласилась я. – Но не такой уж и старой.

– Спасибо на добром слове! – пробурчал Шилов, и я направилась на кухню.

Холодильник оказался плотно забит всякой всячиной – накануне мы с Олегом съездили в «Ашан» и основательно запаслись продуктами. Сварганив на скорую руку омлет с помидорами и шампиньонами, зеленый салат и нарезав красную рыбу собственного посола, я приступила к завариванию зеленого чая для Шилова, когда он и сам вполз на кухню, едва переставляя ноги, и плюхнулся на стул.

– Ну, – сказала я, – что же все-таки произошло?

– Да ничего особенного, в сущности, – вздохнул он, подпирая голову кулаком, словно без поддержки она могла отвалиться и укатиться под стол. – Просто очередной день в психбольнице.

– Давай, рассказывай, – подтолкнула я, наливая ему чай в чашку. – Не томи!

Сделав несколько глотков, Олег блаженно закрыл глаза и несколько секунд помолчал, наслаждаясь вкусом. Чай мы покупали только в специализированном китайском магазинчике, который несколько лет назад «открыл» Шилов, большой любитель этого напитка. Именно он заставил меня переосмыслить отношение к чаю. Раньше я хватала первую же попавшуюся на глаза пачку – обычно это оказывалась одна из марок, широко рекламируемых по телевидению. И, разумеется, только в пакетиках! Олег пришел в ужас, когда впервые взглянул на мои запасы чая. «Ты питаешься бумагой!» – воскликнул он. Олег был убежден в том, что чая «в пакетиках» не существует. Он называл этот продукт исключительно «чайной пылью» и настаивал на том, что напиток нужно только заваривать, причем по определенным правилам. Поначалу я противилась: черт подери, всю свою жизнь я пила именно эту «пыль» и, слава богу, не померла, но постепенно, пробуя чай, собственноручно купленный и заваренный Шиловым, я пришла к выводу, что он абсолютно прав, а я все это время ошибалась. Тем не менее я по-прежнему предпочитала черный чай, как Олег ни пытался приучить меня к зеленому. Иногда, правда, я шла ему навстречу, выпивая чашечку, не больше, но он и сам говорил, что больше двух-трех чашек зеленого чая могут повредить здоровью. Многие люди считают, что зеленый чай можно пить ведрами, поэтому полностью отказываются от традиционного черного. Это большая ошибка. Полифенолы, содержащиеся в зеленом чае, дают большую нагрузку на печень. Кроме того, как и кофе, он обладает тонизирующим эффектом, а это может плохо сказаться на тех, кто склонен к гипертонии. Но правда в том, что вкус кофе мне нравится, а вот со вкусом зеленого чая – проблема.

– Сегодня город словно взорвался! – проговорил Олег, вновь открывая глаза. – С утра начали пачками доставлять переломанный народ – как будто из горячей точки, честное слово! В основном, естественно, бабки и дедки, понимаешь, – кто же еще падает и ломает ноги-руки в начале осени?

Я и без того знала, что в отделении Шилова зимой и ранней весной, как правило, лечится молодежь, а летом и осенью – пожилые люди, которым вовсе не нужен снег и лед, чтобы упасть и что-нибудь сломать. Со стариками обычно хуже всего:

случаи у них тяжелые, уход, даже в нашей, очень неплохой, больнице, – весьма условный. Чаще всего в послеоперационной палате самим родственникам пациентов приходится подносить утки, обмывать пациентов, кормить их и так далее, потому что уход не распространяется дальше реанимации. Но и это – настоящая роскошь, насколько мне известно. В большинстве больниц больных вообще не оставляют в реанимации, а везут сразу в палату – туда же, где лежат люди с артрозами, то есть «ходячие», которым и приходится в отсутствие родственников обихаживать обездвиженных товарищей по несчастью. Это форменное безобразие, и Шилов постоянно ругается с Главным, требуя увеличения штата нянечек и медсестер, доказывая, что отделения травматологии и хирургии больше всего нуждаются в дополнительном персонале, ведь именно там лежат люди в самом беспомощном состоянии. Кроме того, Олег считает, что младшему и среднему медперсоналу необходимо увеличить зарплаты, потому что за те деньги, что им платят в больницах, они вообще не считают нужным шевелиться. С другой стороны, как обычно, все зависит от человека: одна нянечка поможет, причем совершенно бесплатно, а другая обольет отборным матом и оставит валяться в собственной моче, сколько бы денег ни получала! До появления Олега в отделении врачи, в большинстве своем, не считали нужным заглядывать в палаты. Обычно они сидели в ординаторской и травили байки с медсестрами, которых тоже у дежурной стойки днем с огнем было не сыскать. Все они справедливо полагали, что в экстренной ситуации их все равно разыщут, а просто так заходить к больным, значит, напрашиваться на ненужные расспросы и жалобы. Шилов поставил всех по стойке «смирно», и ситуация очень быстро изменилась. Те, кто не выдержал нажима, сами сбежали, и Олег тут же нашел на их места новых людей – тех, в которых был уверен. Большинство остались – и не пожалели: никто и никогда не бился за своих сотрудников так, как бился Шилов. Это касалось и проблем с пациентами, и вопросов распределения годовых и квартальных премий, и работы с профкомом. Но я знала, что у Шилова жизнь нелегкая, и порой он приходит домой измотанный и истощенный, как будто побывал в аду. Сегодня, видимо, как раз такой случай.

– В общем, – продолжал Шилов, снова отхлебывая из своей чашки, – палаты за одни сутки оказались забиты до отказа. Ну, а мы что – вкатили новые кровати, потеснили народ. Пациенты, разумеется, возмущаются, но делать-то чего? Такая грызня стояла с утра! Нянечки валят на сестер, сестры – на врачей, больные воют – как страшный сон вспоминаю! Как будто этого мало, два ординатора – Лешка и Илья, ты их знаешь – устроили консилиум у одной послеоперационной старушки. У нее, видите ли, кал черный идет. Мне, разумеется, никто не счел нужным сообщить – своими силами решили действовать. Ну конечно же, у нас

молодежь умнее всех, сама знаешь! В общем, мурыжили-мурыжили старушку, так ничего и не выяснили, зато шухеру навели на всех остальных: хихикали, шуточки-прибауточки отпускали, громко обсуждали ситуацию. Пациенты, само собой, стали возмущаться – вам тут театр, что ли?! В целом они, конечно, правы, и я парням втык сделал, когда узнал. Дело даже не в том, что они очевидный диагноз поставить не смогли, а в том, что вели себя как форменное быдло.

– А у старушки-то что? – поинтересовалась я. – Раз желудочное кровотечение?

– Да язва двенадцатиперстной, что ж еще? – развел руками Шилов. – Ей Паша установил эндопротез, а язва – обычное дело в таких ситуациях. Так вот, в наказание я этих двух «деятелей» до конца суток приписал к палате той старушки, потому что там, как на грех, собрались самые проблемные больные: троим пациенткам от семидесяти одного до девяноста пяти, можешь себе представить?

Честно говоря, представляла я это с трудом и очень сочувствовала молодым ординаторам. Олег порой бывает излишне крут. Не сомневаюсь, он еще и пациентам сказал, чтобы они не стеснялись выражать свое мнение в отношении того, насколько хорошо эти двое справляются со своими обязанностями!

– Ну, Шилов, ты – зверь! – воскликнула я.

– А то! – гордо расправил плечи Олег. – Беда в том, что старушенции все неадекватные, а самый «цимес» начался после обеда, потому что утречком они мирно почивали, с ног до головы обколотые, а потом действие успокоительных прошло. Вот мои парнишки и испытали на себе весь ужас старческого слабоумия. Одна – та, которой девяносто пять, со сломанной ногой в гипсе, – все порывалась вскочить и «открыть» стену, уверенная в том, что это ее тумбочка, в которой лежит внезапно понадобившийся ей кошелек. Дальше – больше. Вторая бабуська проснулась и решила, что ей срочно нужно закапать в глаза, иначе у нее будет катаракта, и она ослепнет – вот прямо там, в палате, на глазах у изумленной публики. Лешка пытается одну бабку от стены оторвать и в койку уложить, Илья другую убеждает, что капать в глаза не надо, потому что ей уже закапали, а она просто запамятовала. И в этот момент внезапно подает голос третья и требует подать ей сюда главврача для того, чтобы она могла выразить ему свое «фи» по поводу больничной еды, которой она, между прочим, даже не пробовала, так как благополучно проспала обед. Парни не знали, куда деваться, к кому кидаться сначала, а к кому потом. И тут девяностопятилетняя

старушенция забывает о кошельке, но вспоминает, что у нее, оказывается, болит зуб, и засовывает руки в рот – чуть не по самые локти. Парни пытаются руки вытащить, остальные пациенты голосят, потому что две другие бабки, оставшись без зрителей, начали выползать из своих коек и требовать внимания – в общем, шоу еще то! Когда я зашел в палату на шум, то увидел следующую картину: Илья практически сидит на бабуське и держит ее за руки, чтобы она снова их себе в горло не запустила и, не дай бог, задохнулась, а Лешка посреди палаты танцует лезгинку…

– Что делает? – не поняла я.

– Ну, лезгинка – танец такой, знаешь? Да еще повизгивает: «Ас-са! Ас-са!»

Я попыталась представить себе эту ситуацию, и меня невольно разобрал такой истерический хохот, что я не могла успокоиться, наверное, минуты три. Шилов смотрел на меня без улыбки.

– Во-во, – кивнул он, когда я наконец вытерла глаза краем кухонного полотенца. – А мне вот не до смеха было – после четырех хирургий! Кое-как самую буйную общими усилиями повязали, руки примотали к койке, но она все не унималась, крича: «Гестаповцы проклятые! Фашисты недобитые!» – и так далее. Накололи всех по самое ничего, а ординаторов я у себя в кабинете коньяком отпаивал перед тем, как на ночное дежурство благословить. Они сказали, что никогда ничего подобного не видели и считали, что такие ситуации возникают только в психиатрических больницах. Еще наивно интересовались, не нужно ли старушек перевести на Скворцова-Степанова.

– Слушай, – подавив очередной приступ смеха, сказала я, – ты не боишься, что послезавтра своих ординаторов не увидишь? Может, они решили, что медицина не для них, а?

– Все возможно, – пожал плечами Шилов. – Если их такая ерунда напугать способна, значит, не их это дело!

– Олег, они же еще молодые – пообтешутся, попривыкнут, и вылепишь из них, что хочешь. С Павлом-то получилось?

Павел Бойко пользовался моим особым расположением. В бытность свою ординатором он показывал хорошие результаты, и я всегда верила в этого мальчика. Немало способствовал такому отношению и тот факт, что Паша здорово внешне походил на Дэна. Однако у него и в самом деле оказались хорошие руки, и Олег взял над ним шефство. Я нисколько не сомневалась, что со временем Павел умением сможет соперничать даже с Шиловым. Олег вовсе этого не боялся, потому что обладал одним бесспорно ценным качеством: если он видел в человеке талант, то не пытался его подавить из боязни, что затмят его самого, а культивировал, помогая ему раскрыться полностью. Благодаря этому счастливому умению Шилов заслужил уважение коллег, хотя поначалу его, человека пришлого, да еще и ставленника Москвы, приняли в штыки.

– Павел – другое дело, – ответил на мою реплику Олег. – Он – хирург, что называется, от бога, хоть и «зеленый» еще. А эти двое… Хотя, с другой стороны, я могу быть предвзятым.

– Хорошо, что ты это понимаешь, – сказала я и чмокнула его в макушку. – А теперь – кушать!

Видя, как Олег постепенно оживает после тяжелого трудового дня, поглощая пищу, приготовленную моими руками, я рассудила, что не стоит пока что делиться с ним проблемами, связанными с работой в ОМР. Он узнает об этом в свое время, когда я выясню побольше, чем сейчас. Я никогда не скрывала от Шилова, какими делами занимаюсь, и он всегда оказывал мне неоценимую моральную поддержку. Олег не одобрял моего желания стать штатным сотрудником Отдела медицинских расследований, но и не противился ему: я была его женой, а не собственностью. Наши отношения с самого начала строились на том, что мы оба – взрослые, независимые люди, которым хорошо вместе, но которые ни в коем случае не должны стать ярмом на шеях друг у друга, ограничивающим движения и требующим постоянной отчетности. И я благодарна Шилову за то, что он предоставил мне такую свободу. Он не мог привязать меня сильнее!

Но Олег удивил меня тем, что, неожиданно отложив вилку, вдруг произнес странным голосом:

– А знаешь, что во всей этой ситуации самое ужасное?

Я покачала головой, чувствуя, что шутки в данный момент неуместны.

– Все эти старухи когда-то были вполне нормальными, где-то работали, пользовались уважением. Одна из них когда-то занималась наукой и даже работала неонатологом, можешь себе представить? Доцент, кандидат медицинских наук, а сегодня – кто она такая? Беспомощная, не вполне адекватная старуха, не нужная даже собственным родственникам.

Я подумала, что он, разумеется, прав: такого конца жизни не пожелаешь и злейшему врагу! Нет, уж лучше умереть до того, как господь отнимет у тебя разум. Вот только кто же знает, когда наступит этот момент?

* * *

Раздавшийся ранним утром звонок буквально выбросил меня из постели, потому что я попыталась схватить трубку быстрее, чем трезвон мобильника разбудит Олега. Как выяснилось, звонил Никита.

– Агния, я еду в больницу к мальчику, – сказал он. – Нашлись родители, и Андрей Эдуардович попросил меня с ними побеседовать. Кроме того, мне нужно самому осмотреть ребенка. Мне бы хотелось, чтобы вы присутствовали. Сможете?

Я могла: сегодня у меня была всего одна пара в меде, и начиналась она в половине второго – времени вагон.

– Да, – добавил Никита, услышав мое согласие, – еще Андрей Эдуардович сказал, что с ребенком беседовал детский психолог и, похоже, узнал что-то интересное. Он тоже едет в больницу, и мы сможем поговорить.

Я оделась в рекордно короткий срок, и мне даже удалось не побеспокоить Олега, который, к счастью, так и не проснулся. До больницы не ходит прямой транспорт, хотя она располагается не так далеко от моего дома, и это каждый раз заставляет меня задуматься о том, не стоит ли последовать совету Олега и пойти учиться на курсы вождения. Так удобно – сел в собственный автомобиль и через некоторое время оказался там, где нужно, без необходимости торчать на остановках в ожидании общественного транспорта в плохую погоду или ловить переполненную в час-пик маршрутку. Но ведь есть еще пробки, техосмотры,

страховки…

Тем не менее до места я добралась меньше чем за сорок минут и тут же позвонила Никите. Он попросил меня подняться в хирургическое отделение. В прошлый раз я не обратила внимания на интерьер детской больницы, но сейчас, когда точно знала, что увижу, я с интересом осматривалась вокруг. В целом больница мало чем отличалась от большинства городских учреждений подобного рода: ужасающая бедность здорово бросалась в глаза. Тут и там – облупившаяся штукатурка, потеки воды на потолке и на стенах, старый, видавший виды линолеум, но по большей части все-таки бетон, по которому гулко отдавались шаги и скрип катящихся носилок или тележек с завтраком, обедом и ужином. И все же здесь чувствовалось желание руководства хоть как-то «прикрыть позор» при помощи подручных средств, таких как цветы в кадках, картинки, прикрывающие трещины в стенах, потертые коврики на полах, приглушающие громкие звуки, низенькие книжные полки с детскими книжками и раскрасками, выстроившиеся вдоль окон, игрушки на подоконниках. Наверное, сами маленькие пациенты оставляли здесь то, что не собирались забирать из больницы по выздоровлении, но, несомненно, персонал также принимал непосредственное участие в дополнении интерьера. Отделение хирургии, видимо, считалось здесь одним из лучших, так как, прежде чем попасть сюда, мне пришлось пробежаться по офтальмологии – там дело обстояло совершенно иначе. Видно, не зря мне понравился заведующий – сразу ясно, что хороший человек и с детьми обращаться умеет. В очередной раз мне пришлось убедиться в том, что человеческий фактор – самый важный в любом учреждении. Надо бы поинтересоваться, поддерживают ли больницу какие-нибудь благотворительные организации. По роду деятельности мне приходилось сталкиваться с людьми, работающими в подобных организациях, и они всегда вызывали у меня смесь из двух четких ощущений – недоумения и безграничного восхищения. Восхищение – оно и понятно, а недоумение – потому, что эти люди, как правило, занятые на основной работе (некоторые даже занимали высокие менеджерские или директорские должности!), находили время и силы на то, чтобы в свободное время не сидеть тупо у телевизора или за компьютером, не таскаться по барам и ресторанам, а приходить туда, где их помощь по-настоящему нужна. Если эта больница не работает с такими организациями, стоит дать заведующему отделением пару телефончиков: может, помогут с ремонтом?

Заведующий оказался на обходе, а Никита встретил меня в коридоре. Его сопровождала немолодая женщина весьма интеллигентного вида, в очках. Седовласая, с безупречной прической и маникюром, одетая в строгую белую блузку и черную юбку-карандаш, она выглядела нетипичным представителем

своей профессии – детский психолог, Ивонна Леонидовна Корикова, как представил ее Никита. Я почему-то всегда считала, что психологи – люди не вполне адекватные, потому что, по моему мнению, невозможно оставаться в здравом уме, балансируя где-то на грани медицины и социологии. Психологи любят цветистые фразы, красивые, но давно приевшиеся штампы, не дают прямых рекомендаций, а заставляют реципиента услуг делать выводы самостоятельно, хотя именно за эти выводы психологу, между прочим, и платят. Если бы человек мог справиться с проблемой самостоятельно, он непременно обошелся бы без данного специалиста или, в конце концов, сходил бы в церковь, к батюшке! Внешний облик большинства психологов, с которыми мне приходилось сталкиваться или наблюдать на экране телевизора, также не придавал уверенности в их профессионализме. Корикова тем не менее отличалась от создавшегося у меня образа, причем кардинально. Поначалу мне показалось, что столь чопорная внешность могла напугать неподготовленного ребенка, но, стоило Кориковой протянуть мне руку для приветствия и улыбнуться, как я немедленно пала жертвой ее чар.

– Здравствуйте, Агния Кирилловна, – сказала женщина, продолжая слегка улыбаться. – Я много о вас слышала.

– В самом деле? – удивилась я. – Можете звать меня просто Агнией, Ивонна Леонидовна.

– Ну, тогда и вы зовите меня по имени, – согласно кивнула она. – К чему нам церемонии, раз уж мы работаем в одной организации и, возможно, еще не раз увидимся?

Я подозревала, что знакома далеко не со всеми работниками ОМР, но все же почувствовала себя немного глупо: Корикова, оказывается, давно знает о моем существовании, а я вот даже не слышала о ней – черт бы побрал Лицкявичуса с этими его тайнами!

– Вы уже общались с Толиком? – поинтересовалась я, чтобы как-то прервать воцарившееся неловкое молчание.

Ивонна внимательно посмотрела на меня. Ее глаза за стеклами очков казались невероятно огромными.

– Похоже, вы близко к сердцу принимаете случившееся, – заметила она мягко. Я поняла, что сейчас происходит то, что я так ненавидела: Корикова начинала копаться у меня в мозгах. Когда этим занимался Павел Кобзев, психиатр и личный друг Лицкявичуса, я знала, как это прекратить, а вот как разговаривать на эту тему с Ивонной, я понятия не имела. Однако она сама спохватилась и даже, как мне почудилось, слегка покраснела, отчего ее очень светлая, вся в мелких веснушках, кожа приобрела ровный розовый оттенок.

– Простите, Агния, мне не следовало этого говорить. Понимаете, я просто хочу дать вам дружеский совет: не стоит вкладывать в отношение к нашим «клиентам» чересчур много личного – это может отрицательно сказаться на вашей собственной объективности и стать причиной душевных травм. Наше дело – оставаться беспристрастными и решать задачу, даже если предметом этой задачи являются старики или дети.

Я открыла рот, чтобы возразить, и тут вспомнила, что в нашей беседе Лицкявичус ни разу, за исключением вступительной фразы, не назвал Толика по имени. Он оперировал словами «мальчик», «ребенок», «пациент», и оттого мне казалось, что он относится к происшедшему довольно прохладно, без эмоций. Признаюсь, меня это даже немного злило, а теперь вот Ивонна говорит, что именно такое отношение – единственно правильное. Поэтому я закрыла рот, сдержав слова возмущения, норовившие сорваться с языка. Впоследствии я ни разу об этом не пожалела: Ивонна оказалась профессионалом чрезвычайно высокого класса и, более того, еще и хорошим человеком.

– Отвечаю на ваш вопрос, – продолжала Ивонна, поняв, что я отказалась от мысли вступать с ней в полемику, – да, я говорила с нашим маленьким другом, причем дважды – вчера и сегодня. Очевидных признаков психологической травмы не выявлено, но это может быть связано с возрастом. Его ровесники склонны быстро забывать плохое, когда ситуация меняется в лучшую сторону. Не исключаю, однако, что впоследствии родители ребенка могут столкнуться с проблемами, для решения которых потребуется вмешательство профессионала. Должна сказать, что, если бы мальчик был постарше, эти проблемы встали бы уже сейчас.

– Тол… мальчик рассказал что-то определенное? – спросила я.

Ивонна слегка пожала плечами.

– Смотря что считать «определенным», – ответила она. – Он прекрасно помнит все, что происходило до момента похищения. Вернее, он так и не понял, что это было именно похищение: просто он играл в детской комнате торгового центра, пока мать делала покупки. А потом – сплошные провалы. Вы же понимаете, что, чтобы получить от ребенка такого возраста сколько-нибудь ценную информацию, необходимо задать целую серию наводящих вопросов? Так вот, он с трудом сумел ответить даже на десять процентов таких вопросов, к какой бы методике я ни прибегала.

– Ивонна считает, – пояснил Никита, – что мальчику давали какой-то препарат вроде рогипнола, отсюда и провалы в памяти.

Психолог кивнула.

– Тем не менее он вспомнил комнату, освещенную ярким светом, – сказала она.

– Видимо, операционную, – вставил Никита, и Ивонна снова кивнула.

– Помнит большую игрушку Винни Пуха, которая лежала с ним в кровати. Еще он помнит «добрую тетю», заботившуюся о нем.

– Да уж, добрую! – процедила я сквозь зубы. – Тетю, которая была одной из тех, кто отхватил половину печени ребенка!

– Не забывайте, что мальчик об этом не знает, – вздохнула Ивонна. – В целом он чувствует себя нормально. Несомненно, имел место определенный реабилитационный период. Для реципиента он обычно составляет до трех месяцев, для донора – чуть меньше. Мальчик пропал примерно два месяца назад, и все это время он, судя по всему, находился в клинике… или другом месте, где ему предоставлялись определенные условия для реабилитации. Именно поэтому мы имеем неплохие показатели здоровья, верно, Никита?

– Да, – согласился тот. – Создается впечатление, что люди, занимавшиеся трансплантацией, старались причинить как можно меньший вред.

– Надо же, какие гуманисты! – снова взорвалась я. – Анестезия, реабилитация… рогипнол!

Никита ласково положил мне руку на плечо.

– Все закончилось неплохо, Агния, – сказал он успокаивающим тоном. – Могло быть гораздо хуже!

Это точно, подумала я. Они вполне могли выпотрошить Толика и выбросить пустую оболочку, как мешок из-под… чего-нибудь!

– А с родителями вы уже разговаривали? – спросила я, переводя разговор на более безопасную тему.

– Немного, – ответила Ивонна. – Мы можем сделать это все вместе. Не забывайте, я – всего лишь детский психолог, мне гораздо комфортнее общаться с детьми, чем с их родителями.

– Павел уже предупрежден, – сказал Никита. – Он сейчас не в городе, но, как только вернется, немедленно встретится с ними.

– Сейчас необходимо не допустить участия социальной службы, – заметила Ивонна, озабоченно сдвинув брови. – Они уже налетели – как грифы, простите за сравнение, конечно! Мамаша в полной прострации – они постарались. Обвинили ее во всех смертных грехах, вплоть до того, что она сама продала печень сына, представляете? Хорошо, что зав-отделением встал стеной и заявил, что ребенка сейчас нельзя транспортировать, а то они готовы были его забрать в детприемник прямо из больницы.

Происходило то, чего я боялась, – «защита детства» в действии!

– Ну, пойдем к родителям? – предложил Никита.

Как выяснилось, и отец, и мать находились в палате. Они сразу же произвели на меня приятное впечатление: невозможно поверить, что соцработники этого не заметили! Мама, блондинка лет сорока, но моложавая и стройная, с покрасневшими от слез глазами, хорошо одетая, сидела на краешке койки Толика и читала ему книжку. Остальные дети тоже слушали, расположившись на своих кроватках. Отец, невысокий, полный мужчина чуть за пятьдесят, стоял у окна, теребя в руках бутылку минеральной воды, купленную, видимо, в

магазине на первом этаже.

При виде нас женщина испуганно вскинула голову и напряглась.

– Господи, да когда же это закончится?! – воскликнул отец мальчика. – Один за другим, один за другим – у вас, что, алкоголиков не хватает, к нормальным людям цепляться начинаете?!

– Дмитрий Петрович, не надо так горячиться, – мягко произнесла Ивонна. – Эти люди не из социальной службы и не из милиции, они из Отдела медицинских расследований.

– А, один черт! – отмахнулся мужчина, но тон сбавил: – Чего вы хотите?

– Мы хотим вам помочь, – сказала я.

– Много вас таких помощников! – пробормотал отец Толика. – Валидола на всех не хватит…

– Ладно тебе, Митя, – устало вмешалась женщина. – Они не похожи на тех злобных теток из соцзащиты.

– Мы врачи, – быстро заговорила я, чувствуя, что лед постепенно тает и надо ловить момент. – Я – анестезиолог, а это, – я указала на Никиту, – хирург-трансплантолог. Ну а с Ивонной Леонидовной вы и Толик уже знакомы.

– Он ничего не помнит, – сказала мать, и ее большие карие глаза наполнились слезами.

– Может, оно и к лучшему, Танюша, – отозвался отец, приближаясь и становясь рядом с женой, словно в попытке защитить от любого, кто вздумает ее обидеть. Самое смешное, что отец мальчика вовсе не выглядел героем, скорее походил на обыкновенного бухгалтера, но в данный момент вид у него был довольно грозный. – Лучше, если Толик никогда не узнает, что с ним сотворили!

– Давайте-ка все сначала, – сказала я, беря свободный стул и садясь напротив родителей мальчика. Как раз в это время детям развозили полдник и они, к

счастью, оказались заняты поглощением пищи и телевизором. – Когда точно пропал ваш сын?

– Двадцать второго июля, – мгновенно ответила Татьяна. – Около четырех часов дня.

– Где?

– В торговом центре «Мега» на Парнасе. Я оставила его в игровой комнате. Лето было, и там подрабатывали какие-то студенты, ребятишек развлекали. Я решила, что Толик будет там под присмотром… Господи, какая же я дура! Как я могла оставить своего сына с незнакомыми людьми, которым на него наплевать?! Эта девица в игровой комнате – она даже не вспомнила нашего Толика, представляете? Я описала его в мельчайших деталях, а она только плечами пожимала…

– Сколько времени вы отсутствовали?

– Боже мой, да мы уже тысячу раз отвечали на эти вопросы! – снова возмутился Лавровский-старший. – И в тот день, и потом несколько раз, и сейчас вот следователь снова о том же самом спрашивал!

Я сообразила, что он говорит о Карпухине, который занимался поисками родителей мальчика.

– Митя! – укоризненно проговорила Татьяна.

– Чем чаще вы говорите об этом, – заметила Ивонна, – тем больше деталей всплывает в вашей памяти.

– Меня не было минут двадцать, – ответила Татьяна на мой вопрос. – Ну, от силы, полчаса!

Мы с Никитой переглянулись: маловато времени для того, чтобы приметить ребенка и придумать, как выманить его из игровой комнаты.

– А девушка, которая играла с детьми, никого подозрительного не заметила? – поинтересовался Никита.

– Вам же жена уже сказала – эта идиотка свои глаза дома забыла! – воскликнул Лавровский. – И как она могла не увидеть, что мальчика забирают из игровой комнаты?

– Ну, это как раз легко объяснить, – вмешалась Ивонна. – Если она так невнимательна, то вполне могла решить, что ребенка просто забирают родители. Это означает, что ваш сын добровольно и сразу последовал за незнакомцем.

– Но я всегда учила его никогда не ходить с теми, кого он не знает!

– Значит, он его знал, – сделала вывод Ивонна, и все мы удивленно посмотрели на психолога.

– Господи, что вы такое несете! – развел руками Лавровский. – Вы хотите сказать, что Толик знал преступника, который его похитил?

– Это возможно, – кивнула Ивонна. – Иначе как объяснить происшедшее? С другой стороны, дети частенько ослушиваются родителей, когда им предлагают что-то интересное или необычное. Может, и с вашим сыном случилось именно это? Похититель мог чем-то заинтересовать Толика, и он легко и добровольно последовал за ним. У тех, кто занимается подобными делами, обычно существуют свои приемы, и они хорошо знакомы с психологией. Даже взрослые люди порой поддаются на их уловки, чего уж говорить о детях!

– Давайте вернемся к моменту исчезновения вашего сына, – предложила я. – Вы сразу же обратились в милицию?

– Сначала я подняла на ноги всю охрану комплекса, и мы все вместе искали его, вызывали по громкой связи, а потом они сами посоветовали вызвать милицию, потому что Толика нигде не оказалось.

– Нас каждый день таскали на допросы, – сказал Лавровский с горечью, – а дело так с места и не сдвинулось! Мне кажется, они хотели заставить нас сознаться в

том, что мы сами избавились от собственного сына, можете себе представить?! Тогда они могли бы со спокойной совестью закрыть дело.

– Не стоит обижаться, – сказала на это Ивонна. – Это обычная практика – родители становятся первыми подозреваемыми в делах об убийствах и похищениях детей. И, что самое страшное, в семидесяти процентах случаев так оно и есть!

– Мы бы никогда такого не сделали! – воскликнула Татьяна, сцепив руки так, что побелели костяшки пальцев. – Толик… он слишком дорогой ценой нам достался! Да и вообще… Убить собственного ребенка – это же уму не постижимо!

Я понимала эту женщину. Мне тоже сложно представить такое зверство, но за время работы в ОМР я уже достаточно насмотрелась, чтобы почти перестать удивляться. Мы поговорили еще минут двадцать, потом Никита еще раз заверил родителей мальчика, что им не о чем беспокоиться: состояние их сына хорошее, и ему не грозит никаких серьезных последствий.

– Вы их найдете? – спросил Лавровский напоследок, когда мы уже собирались уходить.

– Надеюсь, – сказала я, но голос мой, боюсь, прозвучал не слишком уверенно. – Во всяком случае, сделаем все возможное!

– Скажете, у вас есть дети?

Татьяна посмотрела на меня с надеждой и беспокойством.

– Да, есть, – ответила я. – Сын.

– Тогда вы нас понимаете. Найдите их, потому что до тех пор, пока эти… в общем, пока они гуляют на свободе, ни одна мать, ни один отец не смогут спать спокойно!

* * *

Наши занятия на курсах английского неожиданно возобновились. Елена сама обзвонила всю группу и попросила приходить в обычное время. Честно говоря, я обрадовалась, ведь в последнее время хорошие новости стали редкостью. Однако, придя на урок, я поразилась изменениям во внешности нашей преподавательницы. Всегда подтянутая, легкая, прекрасно одетая и неизменно жизнерадостная, теперь она выглядела так, словно переболела тяжелой болезнью. Круги под глазами, морщины, раньше незаметные, да и костюм выглядел неглаженным – создавалось впечатление, что она нацепила первое, что подвернулось под руку.

– Ваш сын поправился? – вежливо поинтересовался один из моих одногруппников, на что Елена как-то странно и холодно ответила положительно.

Тем не менее занятие прошло неплохо, можно даже сказать, как обычно, если бы не один неприятный и настораживающий момент. Обычно Елена всегда доброжелательно отвечала на наши вопросы, даже самые идиотские, но сегодня она была явно не настроена их выслушивать. Как я уже упоминала, наша группа разновозрастная, поэтому всегда находятся те, кто откровенно «тормозит», не понимая новую тему, особенно, когда речь идет о грамматике. И вот, когда Вероника, одна из пожилых студенток, в очередной раз спросила, чем же все-таки отличается настоящее перфектное время от простого прошедшего, Елена взорвалась и довольно грубо высказала Веронике, что она о ней думает. Мы остолбенели, а наша преподавательница, внезапно оборвавшись на полуслове, обвела нас ошалелым взглядом, после чего закрыла рот рукой, словно ее вот-вот вырвет, и выскочила из комнаты. Вероника часто моргала, пытаясь сдержать слезы: в ее возрасте трудно пережить такое обращение со стороны более молодого человека, к тому же еще и преподавателя.

– Вы не расстраивайтесь, – сказала моя соседка по парте, Алена. – Просто с ней сегодня явно что-то не так!

– Это точно, – пробормотала я и вышла следом за Еленой. Однако, как я ни старалась разыскать ее в здании школы, где располагались наши курсы, у меня ничего не вышло: наша преподавательница бесследно исчезла.

Вечером того же дня я, Никита и Ивонна приехали в офис ОМР, расположенный в бизнес-центре под названием «Волна». Вика и Карпухин находились уже там, но Лицкявичус подъехал только через полчаса. Все это время мы недоумевали в отношении причины его опоздания, ведь обычно такого никогда не случалось,

особенно, если встречу назначал он сам. Только майор не казался удивленным, но, как бы там ни было, он не спешил делиться с нами своими мыслями. Наконец дверь распахнулась, и в кабинет влетел Лицквичус.

– Извините, – коротко бросил он, скидывая кожаный плащ, – задержался: пробки, пятница ведь – народ на дачу едет.

– Поговорил? – спросил Карпухин.

– Поговорил.

– Это вы про что? – поинтересовался Никита. – Может, и нам стоит знать?

– Стоит, – согласился Лицкявичус. – Сегодня я съездил в четыре больницы…

– Давай я, лады? – предложил Карпухин. – В общем, дело в следующем. Я нарыл еще с десяток дел, похожих на дело Лавровских. Пришлось попотеть: вы не представляете, сколько детей пропадает ежегодно в одном только Питере и его пригородах! Большинство так никогда и не находят, но этим десяти повезло – они вернулись домой. Были возбуждены дела о похищениях. Всем детям от трех с половиной до десяти лет, и у всех у них удалили те или иные органы, в основном по одной почке, иногда часть печени, связки. У одной девочки удалена роговица глаза.

– Боже мой! – в ужасе воскликнула я и встретила взгляд Ивонны, которая выглядела потрясенной до глубины души.

– Все похищения произошли в разные годы с двухтысячного по нынешнее время, – продолжал между тем Карпухин. – Ни одно из них не раскрыто. Основная версия – отправка органов российских детей за границу, однако никаких доказательств этого я не обнаружил. Дела вели несколько разных следователей, и разговор с ними практически ничего не дал: все нити обрывались в самом начале расследований, так как дети, являвшиеся единственными свидетелями происшедшего, ничего не смогли вспомнить.

– Как Толик! – заметил Никита. – Возможно, им тоже кололи бензодиазепины или что-то еще.

– Например, рогипнол, – кивнула я. – Отлично отшибает память!

– Во всех случаях, – продолжал майор, – первым делом, как водится, под подозрение попадали родители, но эта версия ни к чему не приводила, а больше никаких версий не возникало – кроме «международной», уже мною упомянутой. Так что все дела отложили в долгий ящик.

– Вы сказали, Артем Иванович, что эти десять детей вернулись домой, – осторожно начала я. – Означает ли это, что вы подозреваете, что могут быть и другие, не вернувшиеся?

Майор посмотрел на меня тяжелым взглядом.

– Все может быть, – ответил он. – Боюсь, мы об этом никогда не узнаем. Пока что придется иметь дело с этим «счастливым», если можно так выразиться, десятком. Я займусь детьми и их родителями, а Андрей должен был взять на себя больницы, которые принимали пострадавших после того, как тех вернули, вернее сказать, подбросили в разные места города. Так каков результат? – этот вопрос уже адресовался Лицкявичусу.

– Как мы и ожидали – не слишком обнадеживающий, – ответил тот. – Особенно по прошествии лет. Никаких бумаг о госпитализации не сохранилось, с компьютерными базами данных – тоже облом: я вообще не понимаю, зачем оборудовать больницы компьютерами, если в базе все равно огромные дыры и персоналу недосуг вносить туда сведения о пациентах! Зато удалось побеседовать с парочкой врачей, еще помнящих о тех случаях, – к счастью, у них оказалась хорошая память.

– Да, но ведь и случаи из ряда вон выходящие! – заметил Никита.

– Тем не менее, – вздохнул Лицкявичус, – я бы не сказал, что врачи сильно помогли. Они говорят то же самое, что и заведующий отделением хирургии, где лежит Лавровский. Все операции проведены с ювелирной точностью, дети находились в удовлетворительном состоянии.

– Да-с, – пробормотал Карпухин. – Дела обстоят хреново, вот что я скажу. Что до мест похищения или возврата детей, зацепиться тоже не за что, потому что ничего общего между ними нет, так что установить какой-то радиус действия, в

котором могла бы находиться клиника, невозможно. Надо работать в других направлениях. Скорее всего, дело Толика Лавровского тоже присоединится к висякам, и можно лишь порадоваться, что парнишка выжил!

– И все же это выглядит очень странно, – сказал Кобзев, поняв, что Лицкявичусу и майору больше нечего добавить.

– Ты о чем? – поинтересовался Лицкявичус.

– Ну, сами посудите: детей похищали, но не «потрошили», как можно было бы ожидать, а всего лишь, если, конечно, можно так выразиться, вырезали какой-то орган – чаще всего парный или тот, который легко восстанавливается, как печень. Между прочим, оставляя за кадром моральный аспект, у здорового ребенка существует еще полно других органов, которые можно «позаимствовать», да и стоят такие органы немалых денег. И все же те, кто этим занимается, избрали очень странный, «щадящий» способ использования детей. Разве это не очевидно?

– Не забывайте, что это касается лишь тех, кто выжил, – вставила я. – Выживших десять человек, а дел, думаю, гораздо больше!

– Причем в десятки раз! – подтвердил Карпухин. – С другой стороны, никто не говорит, что все похищения связаны между собой.

– Павел прав, – заговорил Никита. – Кто бы за этим ни стоял, зачем так тратиться, ведь реабилитация стоит дорого, да и само содержание пациентов в необходимых условиях на это время требует затрат. Более того, они рискуют, возвращая детей родителям, ведь кто-то мог что-то видеть, а это, в свою очередь, способно вывести на похитителей.

– А вы уже говорили с кем-то из родителей? – спросила Ивонна, устремив взгляд на Карпухина. – Думаю, вам могли бы понадобиться наши с господином Кобзевым услуги, ведь не все эти люди будут охотно вспоминать то, что произошло несколько лет назад.

– Я об этом думал, – кивнул майор. – Разумеется, я с удовольствием приму вашу помощь, потому что уже предвижу проблемы, ведь следствие по всем этим делам зашло в тупик и родители не получили никакой, даже моральной,

компенсации за то, что случилось с их детьми. Уверен, нам еще придется попотеть, чтобы заставить их говорить!

Все время нашего разговора я напряженно пыталась уловить и оформить мысль, которая постоянно скребла у меня в мозгу с тех пор, как я поговорила с родителями Толика Лавровского. Что-то тогда показалось мне не вполне правильным, но я никак не могла понять, что именно.

– Вы хотите что-то сказать? – поинтересовался Лицкявичус, внимательно глядя на меня.

– Да… то есть нет – пока нет, – ответила я неуверенно. – Мне нужно подумать.

– Что ж, – сказал он, – нам всем нужно подумать, полагаю, потому что пока мы ни на шаг не продвинулись в расследовании. Мне сейчас вообще кажется, что мы взялись не за свое дело, и я дал согласие на участие ОМР только по двум причинам: милиция расписалась в собственном бессилии.

– Вы сказали, что есть две причины, – заметила я.

– Вторая – к нам обратилась Татьяна Лавровская. Она просит, чтобы именно мы попытались выяснить, что именно и почему произошло с ее ребенком. На нее давит милиция и социальные службы, и она боится, что они могут вообще отобрать мальчика и передать в детский дом. Ей сейчас приходится нелегко, и мы, похоже, ее единственная надежда. Нужно доказать, что Лавровские не имели отношения к случившемуся.

– Господи, неужели они и в самом деле думают, что мать и отец могли продать печень собственного сына? – спросила я.

– Агния, вы же уже взрослая женщина и должны знать, что люди делают вещи и похуже! – укоризненно покачал головой Лицкявичус.

– Но ничего хуже этого просто и быть не может! – возразила я. – Родителей и детей связывают узы, которые считаются святыми и нерушимыми… Конечно, я понимаю – бывают случаи, когда мать или отец алкоголики, наркоманы, но Лавровские-то нормальные, хорошие люди!

– К сожалению, – сказал Павел, – такие выводы невозможно делать, основываясь лишь на личном впечатлении, иначе все преступники сидели бы в тюрьме, а добропорядочные граждане никогда не оказывались бы на скамье подсудимых!

– Правильно, – кивнул Лицкявичус. – Давайте не будем делать преждевременных выводов. Вместо этого предлагаю, чтобы Ивонна и Павел как следует и со всех сторон «обработали» Лавровских, чтобы на всякий случай исключить их причастность к похищению мальчика. Артем, ты займешься старыми делами: нужно охватить как можно больше людей, чьи дети в конце концов были возвращены. Пока, к сожалению, это все, что мы можем сделать. А я постараюсь как можно дольше не подпускать соцработников к семейству Лавровских.

* * *

В тот день у меня было три операции на ортопедии, и две из них проводил Олег. После второй у нас выдалось минут сорок свободного времени, и мы отправились в больничное кафе. Это заведение общепита является предметом особой гордости главного. Во-первых, здесь варят отменный кофе во второй в больнице суперкофеварке (первая – опять же усилиями главного – стояла в приемном покое). Кроме того, у нас работает отменный повар-кондитер, а это значит, что в продаже всегда имеются пирожки, крендельки, пирожные собственного приготовления – честное слово, в нашей больнице стоит полежать хотя бы для того, чтобы отведать разнообразных вкусностей, каких вы не получите ни в каком другом месте! Ну и, наконец, интерьер кафе с его деревянными столиками и скамейками заставляет вас на время трапезы полностью отключиться от мысли, что вы на самом деле находитесь в больнице, а не в уютном месте отдыха.

– Ну, как твои старухи? – поинтересовалась я, как только Олег подошел с подносом, уставленным тарелками. – Не бузят больше?

– Бузят помаленьку, – вздохнул он, присаживаясь и подвигая ко мне беляши и кофе. – Беда в том, что к некоторым из них никто не приходит, понимаешь? То есть ухаживать некому, а это значит, что они могут сутками валяться в собственных испражнениях, и никому до этого нет никакого дела.

Олег прав. Наша больница на хорошем счету в городе, многие прямо-таки мечтают сюда попасть – из-за хороших врачей в большинстве отделений и

новейшей диагностической аппаратуры. Тем не менее вопрос с уходом за лежачими у нас не решен, как и во всех остальных медицинских учреждениях. Сестер и нянечек катастрофически не хватает, так как зарплаты у них смешные, а работа такая, что под силу далеко не каждому мужчине, не говоря уж о хрупких девчонках, только что из медицинских колледжей. Подобно другим больницам, в качестве нянечек у нас в основном работают выходцы из бывших братских республик – Таджикистана, Узбекистана и Казахстана. Я отнюдь не националистка, тем более что мои предки и сами приехали из Грузии, но у большинства этих людей нет даже вида на жительство! Начальство вынуждено нанимать их, закрывая глаза на отсутствие нужных документов, потому что выхода нет: на такую зарплату не польстится человек, имеющий хоть какой-то выбор. Но проблема заключается не в бумажках, а в отношении к жизни. Во-первых, человек, которого здесь ничто не держит, в любой момент может сняться с места и перепорхнуть на другое. А это, в свою очередь, означает, что и ответственности он никакой не ощущает. Еще один момент: у наших «восточных» работниц обычно большие семьи, а зарплаты, как уже упоминалось, маленькие. Жить, однако же, нужно всем, а потому пациенты частенько недополучают даже тот скудный больничный рацион, который им положен. Нянечки сумками уносят с работы вареные яйца, масло, молоко, и больным порой не достается даже хлеба, потому что его тоже тащат домой хозяйственные мамаши больших семейств. С другой стороны, дело, конечно же, не в национальности, а в том, что вся система здравоохранения еще с советских времен финансируется по остаточному принципу. В нашей стране уже давно во всем виноват либо лично Чубайс, либо коммунисты, однако советской власти нет уже много лет, Чубайс давно ничего не решает, а в медицине ситуация не только не изменилась к лучшему, но и с каждым днем делается все хуже и хуже. Если бы всем в больнице платили достойную зарплату, не было бы необходимости пополнять свой скудный бюджет за счет пациентов. Опять же тех, кто просто не чист на руку, можно было бы уволить и тут же нанять новый персонал, который не станет злоупотреблять своим положением и отнимать у больных и несчастных людей кусок хлеба или разбавлять молоко для каши водой, чтобы сэкономить для себя пару-тройку литров. А так заведующим отделениями приходится сквозь пальцы смотреть на «художества» младшего медицинского персонала, так как они знают, что, уволив нянечку, они просто освободят место, которое, скорее всего, так и останется незанятым. Так же дело обстоит и с медсестрами. Чаще всего одна и та же сестричка разрывается между двумя, а то и тремя постами, а это означает, что она не успевает отследить, когда заканчиваются капельницы, и раздать все необходимые лекарства, не говоря уже о том, чтобы лично дать их пациентам, которые не могут подняться, чтобы принять таблетки самостоятельно. Частично ситуацию удается немного

исправить при помощи практикантов из медучилищ и вузов, но это, само собой, не является решением проблемы. Вот и выходит как в известном юмористическом монологе: «Ходячие помогают сидячим, сидячие помогают лежачим, а лежачие лежат и не рыпаются!» В общем, уход за больными становится делом «ходячих» пациентов. Это, разумеется, отвратительно и неправильно, но в ближайшее время, судя по всему, ничего не изменится. Таким образом, старики, к которым никто не приходит, оказываются в самом что ни на есть плачевном положении из всех возможных: большего унижения человеческого достоинства трудно себе даже вообразить.

– Ординаторы, слава богу, не сбежали, – продолжал между тем Олег. – Надеюсь, происшедшее научит их в следующий раз вести себя более корректно.

– Да уж, твое «наказание» было чертовски действенным! – усмехнулась я.

В глазах Шилова заплясали веселые искорки. Я обрадовалась этому. В последнее время Олег выглядел измученным, и я даже опасалась, что его физическое здоровье ухудшилось из-за тяжелой ситуации в отделении. Его глаза были тем, во что я влюбилась, как говорится, с первого взгляда. Необычного серо-зеленого цвета с карими крапинками, они отражали каждую перемену в его настроении. В отличие от Лицкявичуса, чей взгляд всегда оставался непроницаемым, несмотря на то, что глаза у него очень светлые и прозрачные. До встречи с главой ОМР я считала, что непроницаемость взгляда – удел людей вроде меня. Мои глаза черны, как южная ночь, и они ни при каких обстоятельствах не меняют своего цвета… Вот я и поймала ту мысль, которая ускользала от меня столь долгое время!

– Шилов, а какие глаза у твоих родителей? – спросила я, и Олег от неожиданности едва не подавился пирожком с рисом.

– Что значит – какие? – откашлявшись, переспросил он.

– Ну, какого цвета?

Он на мгновение задумался.

– У мамы – как у меня, по-моему, а у отца… Да, у отца голубые глаза, а что? Странные вопросы ты задаешь, Агния, с тобой не соскучишься!

Мой мозг в бешеном темпе обрабатывал его ответ. Я еще не знала, может ли мое открытие иметь какое-то значение, но один факт показался мне немного необычным: оба Лавровских являлись обладателями красивых карих глаз, а вот глаза их сына были светло-серыми.

* * *

На улице шел сильный дождь. Был как раз один из таких дней, которые заставляют меня вспомнить о том, почему я не люблю Питер: встаешь рано утром, вокруг кромешная тьма, а за окном – настоящее светопреставление. Крупные капли тяжело барабанят по карнизам, дует ветер, при котором использование зонта кажется делом совершенно бесполезным, а деревья с неумолимо желтеющими листьями, такими зелеными и сочными еще две недели назад, трещат и гнутся.

С тех пор, как я познакомилась с Лавровскими, прошло около месяца, и все было тихо. И вот вчера вечером позвонила Вика и сказала, что случай с Толиком, возможно, имеет продолжение: в детскую больницу Зеленогорска доставили ребенка с отсутствующей правой почкой. Завтра с утра мне надлежало отправиться туда. Сопровождать меня вызвался Никита, и сейчас я ждала, когда он подъедет, стоя на крыльце своего дома и переминаясь с ноги на ногу от холода – наверное, следовало все же одеться потеплее! Это моя обычная ошибка: в попытке отсрочить неизбежное я нацепила легкий костюм и накинула джинсовую куртку, хотя, судя по градуснику за окном, я явно погорячилась. Оставалось лишь надеяться, что предусмотрительный Никита включил обогреватель в своей комфортабельной «Вольво».

Он подъехал, опоздав всего на пять минут, но мои конечности уже успели задеревенеть. Нырнув на переднее сиденье, я сразу же окунулась в тепло салона и собиралась уже пошутить по поводу погоды, но заметила в зеркале лицо Никиты и проглотила свои слова.

– Что-то случилось? – спросила я встревоженно.

– Это касается мальчика, – ответил он серьезно, без улыбки. – Того, которого доставили в зеленогорскую больницу: он в очень тяжелом состоянии.

Я не ожидала этого услышать. Возможно, до встречи с Толиком Лавровским – да, но, увидев веселого и практически здорового ребенка, почему-то решила, что и второй мальчик должен находиться примерно в том же состоянии.

– Что с ним такое?

– Большая потеря крови. Возможно, даже заражение – еще неизвестно. Его доставили в реанимацию, но условия в Зеленогорске, сама понимаешь, отличаются от городских, поэтому, вполне вероятно, его придется транспортировать сюда.

– Потеря крови? – удивилась я. – Как такое могло случиться? Ведь Толик поступил в удовлетворительном состоянии, ты сам его осматривал…

– Ну, может, в этом случае мальчиком занимались какие-то другие мясники? – пожал плечами Никита. – Кто вообще сказал, что есть связь? Мы как раз и должны проверить, так ли это.

Детская зеленогорская больница в целом производила приличное впечатление, однако на самом деле симпатичный фасад и домашние занавески на окнах призваны были скрывать недостаток медикаментов и аппаратуры, необходимой для нормального функционирования любого медицинского учреждения.

– Жуткая ситуация! – покачала головой заведующая отделением, невысокая полная женщина лет пятидесяти по имени Ирина Юльевна Рушко. Она выглядела ухоженной и явно озабоченной нашим визитом. – Никогда с подобным не сталкивалась, честное слово!

– Мы осмотрим мальчика позднее, – сказал Никита. – А пока нам хотелось бы узнать о том, как его обнаружили и доставили сюда.

– Ну, насколько я знаю, его нашли на автовокзале.

– Где?! – переспросила я с изумлением.

– Да-да, именно так, – вздохнула заведующая. – Наверное, мальчик собирался сесть в автобус, идущий в Петербург, но, во-первых, у него не было ни копейки

денег, во-вторых, его одежда слишком сильно напоминала больничную, и народ на вокзале обратил на него внимание. И, надо сказать, слава богу: если бы не бдительность этих людей, ребенок мог умереть прямо там. Дело в том, что у него разошлись послеоперационные швы, и началось обильное кровотечение. Кроме того, анализы показали остаточное наличие бензодиазепина.

– Он что-нибудь сказал? – спросил Никита. – О себе или о том, что с ним произошло?

Рушко покачала головой.

– К сожалению, нет. Нам пришлось срочно заштопать его, перелить чуть ли не литр крови и плазмы, но этого, к сожалению, очень мало. Группа у мальчика редкая, поэтому найти родителей – вопрос жизни и смерти при данных обстоятельствах.

– Напишите, что нужно достать, – сказала я заведующей. – Думаю, мы сможем это устроить.

– В самом деле? – обрадовалась Рушко. – Что ж, тогда… И лекарства можно написать?

– Пишите все, что сочтете нужным, – кивнул Никита.

Она быстро принялась писать, и я подумала, что Вике сегодня, видимо, придется как следует поработать. Закончив, Рушко протянула мне листок бумаги с вытравленным изображением кадуцея в углу.

– Просто не верится! У нас тут дела обстоят не самым лучшим образом, – словно извиняясь, сказала она. – Много чего не хватает. Мы много раз просили – и кровь, и медикаменты, и аппаратуру обновлять пора, но нам говорят, что и городские больницы недополучают лекарств, поэтому нам даже надеяться не на что.

Я ее прекрасно понимала и от всей души сочувствовала. То, что происходит с нашим здравоохранением в последние десять-пятнадцать лет, иначе как падением в глубокий колодец не назовешь! В очередной раз порадовалась, что наш Главный, возможно, и не ахти какой душа-человек, но он держит нос по

ветру и умеет налаживать связи с «нужными» людьми, чтобы получить то, что ему необходимо.

– А теперь мы хотели бы осмотреть пациента, – сказал Никита, поднимаясь.

– Боюсь, осмотр получится поверхностный: мальчик на обезболивающих и снотворных, и мы собираемся поддерживать его в этом состоянии до тех пор, пока жизненные показатели не стабилизируются.

– Ничего, пусть так, – согласился Никита. – Пошли?

Его последний вопрос был адресован мне.

Отделение реанимации представляло собой небольшое помещение на первом этаже больницы, а в самой палате имелось всего две койки, которых явно было недостаточно для целого городка. Одна из них, правда, оказалась свободна, а на второй лежал наш мальчик. Реанимационная медсестра встала при виде нас в сопровождении завотделением.

– Все в порядке, Лена, – успокаивающе сказала Рушко. – Это наши коллеги, они просто осмотрят мальчика. Как он?

– Не очень, Ирина Юльевна, – удрученно покачала головой немолодая уже женщина. – Но будем надеяться на лучшее.

– Как обычно, – слегка улыбнулась заведующая.

Мы с Никитой склонились над маленьким пациентом, который выглядел странно, увитый проводами. Дыхательный аппарат, стоящий рядом с койкой, был отключен: ребенок дышал самостоятельно, и это вселяло надежду на выздоровление. Вглядываясь в его землистое лицо, я с удивлением обнаружила, что оно почему-то выглядит знакомым. Еще через пару секунд у меня вырвался возглас недоверия и удивления.

– Ты чего? – спросил Никита, нахмурившись.

– Я его знаю! – воскликнула я. – Только… этого просто быть не может!

* * *

– Так, Агния, еще раз: вы точно уверены, что этот мальчик вам знаком?

Я сидела в кабинете у заведующей отделением детской реанимации, а Лицкявичус нависал надо мной, как статуя Командора над Дон Жуаном.

– Разумеется, уверена! – в очередной раз подтвердила я. – Я много раз была у Елены дома и встречалась с ее сыном. Он, конечно, изменился, и я, признаться, не сразу его узнала, но ошибка совершенно исключена: это Владик Красин, сын моей преподавательницы английского!

– Хорошо, допустим, – кивнул Лицкявичус, отодвигаясь, отчего я ощутила серьезное облегчение, так как до этого мне казалось, что глава ОМР буквально перекрывает доступ кислорода в мои легкие. – Связи с Карпухиным нет – он на выезде, но ему сообщат, как только будет такая возможность. Давайте надеяться, что вы действительно не ошиблись, и Елена Красина на самом деле является матерью мальчика. Это тем более важно, что ему может понадобиться кровь, плазма и, возможно, даже спинной мозг его матери или отца. На данный момент нам удалось достать немного крови и плазмы, но это не значит, что мы полностью справились с проблемой.

– Почему он в таком плохом состоянии? – спросила я удрученно. – Толик ведь в порядке!

– Боюсь, сейчас наверняка мы ничего сказать не сможем, – ответил Лицкявичус. – Давайте надеяться, что мальчик сам все расскажет, когда сможет. А пока подождем вестей от Карпухина.

– Может, перевезем его в другую больницу? – предложил Никита. – В ту, где Лавровский лежит, например, – она не самая плохая в городе…

– Нельзя! – отрезал Лицкявичус. – Транспортировка может ему повредить. Прямой угрозы жизни нет, за ним здесь хорошо присматривают, а там видно будет.

– Да вы не переживайте! – вмешалась в разговор заведующая Рушко. – Мы позаботимся о мальчике до тех пор, пока вы не сможете с ним поговорить или не отыщете мать. Теперь, когда вы привезли самое необходимое, с ним все должно быть в порядке.

– Вы уже сообщили в соцслужбу? – поинтересовался Лицкявичус.

– Мне пришлось, – закивала Рушко. – Вы же знаете – у нас указания…

– Знаю-знаю, – прервал он женщину. – Они еще не приходили?

– Нет, но, думаю, появятся в ближайшее время.

– Что ж, – покачал головой Лицкявичус, – остается надеяться, что Карпухин отыщет эту вашу Елену Красину раньше, чем сюда набегут гунны. Ладно, сейчас отбой, а вечером всем быть в «Волне» – скорее всего, к тому времени появятся какие-то определенные сведения, которые подскажут, что нам делать дальше.

Возвращаться домой не имело смысла, поэтому Никита подвез меня до Первого меда, где я съела в буфете поздний завтрак, после чего отправилась читать первую из двух сегодняшних лекций.

Получив в деканате план лекционных и семинарских занятий, я самым внимательным образом просмотрела его и пришла к выводу, что если теоретические и практические аспекты, непосредственно касающиеся медицины, освещались в нем довольно хорошо и полно, то моральный аспект отсутствовал полностью. Я обратила на это внимание декана лечфака (лечебного факультета), но он только сказал, что в университете есть предмет «медицинская деонтология» (медицинская этика: deon – долг, logos – наука), который полностью включает в себя то, о чем я говорю. Да уж, я знаю о существовании этого предмета, который, между прочим, является факультативным, то есть необязательным. До девяностых годов медицинскую или биомедицинскую деонтологию вообще обходили стороной, видимо, полагая, что врачу вполне достаточно профессиональных знаний. До того как стала работать в ОМР, честно признаюсь, я и сама нечасто задумывалась над этой проблемой. Вернее, я вообще не считала, что такая проблема существует – возможно, этому способствовала специфика моей профессии. Анестезиолог редко сталкивается непосредственно с пациентом. Мы беседуем с ним один раз,

перед операцией, для выяснения наличия аллергических реакций и тому подобного, чтобы правильно подобрать наркоз и дозировку. Обычно этим и ограничивается общение анестезиолога с «живым» больным. В дальнейшем мы видим его перед операцией – уже под действием расслабляющих и успокоительных препаратов, а оставляем еще не отошедшим от наркоза. Так что, лишь вплотную столкнувшись с тем, что вопрос медицинской этики, как правило, повсеместно не принимается во внимание, а также убедившись, что это в некоторых случаях влечет за собой тяжкие последствия, я пришла в ужас. Медицинская деонтология широко преподается в гуманитарных вузах на философских факультетах, но там, где она на самом деле больше всего необходима, считается факультативом – нонсенс! В одном из наших расследований мне пришлось столкнуться со студентами-медиками, относящимися к жизни и смерти человека, как к интересному феномену, некой игре, в которой не существует никаких моральных ограничений[1 - Об этом читайте в романе И. Градовой «Последний секрет Парацельса».]. Может, эти ребята, которыми так легко манипулировать в силу молодости и неопытности, не пали бы жертвами подонков от медицины, если бы в университете им преподавали медицинскую деонтологию? То, о чем мы не знаем, нас не беспокоит! А как же быть с тем, что неотъемлемым качеством врача и Гиппократ, и Авиценна, и Парацельс называли сострадание? Рассказ Олега о его ординаторах, веселящихся над постелью больной женщины и отпускающих идиотские шуточки – прямое следствие такого бездумного подхода к обучению. Молодым врачам никогда не приходилось задумываться о том, что факт нахождения пациента в полной их власти еще не дает им права манипулировать ситуацией и вести себя, как римским легионерам в захваченной Александрии!

Поэтому, получив ответ декана, я все же решилась на некоторые изменения в программе, включив в нее беседы о медицинской деонтологии. Надо сказать, материалов было не так много, поэтому пришлось поднапрячь Шилова с его немецким, да и самой посидеть со словарем, переводя из американских журналов статьи соответствующего содержания. Я боялась, что, стоит мне заговорить об этом, как мои студенты заскучают и, вероятно, даже начнут засыпать, сочтя мои слова нудной морализаторской болтовней. К счастью, я ошиблась. К моему удивлению, ребята живо откликнулись на эту тему, и я постаралась сделать все для того, чтобы их интерес не угас. Мои занятия с ними вряд ли можно было назвать лекциями, скорее это были беседы, во время которых желающим позволялось высказать свое мнение. И то, что для обоснования этого мнения им приходилось читать специальную литературу, по-моему, шло лишь на пользу. Думаю, я нащупала тот стиль, который является наиболее приемлемым в работе с молодежью. Само собой, я давала им

программный материал, но время от времени, когда это казалось логичным и приемлемым, мы говорили и об ответственности врача, о том, каким должно быть его отношение к пациенту. Меня радовало то, что порой и сами ребята затрагивали эту тему, что говорило об их неравнодушии к проблеме. Частенько мы обсуждали газетные статьи, связанные с медицинской тематикой, поэтому и сегодня я не удивилась, когда одна из студенток, Дина Рапопорт, предложила обсудить одну из таких статей. Она начала зачитывать ее, и я, к своему ужасу, поняла, что речь идет о деле Толика Лавровского. Да, имена действующих лиц были изменены, но ошибиться не представлялось возможным.

– Когда вышла статья? – не позволив девушке дочитать, спросила я довольно резко.

– Сегодня утром, – ответила та, удивленно подняв на меня глаза за толстыми стеклами очков. – Что-то не так?

Персонал педиатрического института предупреждали о том, чтобы информация о маленьком пациенте держалась в строжайшем секрете, и тем не менее она просочилась наружу быстрее, чем мы могли предположить! От кого она исходила – от врачей, медсестер или, может, социальных работников? Разумеется, жадные до сенсаций журналисты не могли пройти мимо такого лакомого кусочка!

– Нет, ничего, – пробормотала я. – Все в порядке, Дина. Так что именно ты хотела обсудить касательно этой статьи?

После лекции, когда ребята выходили из аудитории, я попросила девушку отдать мне газету. Меня интересовала фамилия корреспондента и адрес редакции – возможно, эта информация может нам пригодиться. Карпухин сомневался, что ему удастся разговорить пострадавших от случаев, схожих с тем, что произошел с Лавровскими. Если же верить словам журналиста Олега Гришаева, он имел беседу с некоторыми из этих людей. Быстро, однако же, работает отечественная пресса!

– Трансплантация органов вошла в повседневную медицинскую практику и достигла успехов, которые казались невероятными еще лет десять назад, – говорил Никита, стоя у электронной доски, тяжело опираясь на трость.

Весь известный мне состав ОМР, включая Ивонну, набился в небольшое помещение офиса Лицкявичуса. Присутствовал даже Леонид Кадреску, хотя, к счастью, услуги патологоанатома нам пока не требовались.

– Первые операции по пересадке почек были выполнены в 1950-х, а пересадка сердца впервые была осуществлена в 1967 году, – продолжал Никита. – С тех пор медицина далеко продвинулась в области пересадки тканей, разработаны новые, усовершенствованные методы. Возросла роль трансплантационной хирургии в лечении больных, чьи органы полностью утратили свои функции. Такое состояние называется органной недостаточностью последней стадии. Больной часто оказывается перед выбором между регулярным почечным диализом до конца жизни и пересадкой почки. В случае выхода из строя других органов, функции которых не могут выполнять аппараты, трансплантация является единственным способом сохранения жизни больного. В настоящее время органы пересаживают людям любого возраста.

Одно из основных затруднений – реакция отторжения, которая может разрушить ткань вскоре после ее пересадки. В настоящее время изучение механизма отторжения представляет собой быстро развивающуюся область иммунологии. Существуют различные виды трансплантатов. К примеру, аутотрансплантат – ткань, переносимая из одной части тела в другую, например костная ткань для стабилизации перелома или кожа при лечении тяжелых ожогов. Изотрансплантат – ткань или орган, пересаженный генетически идентичной особи (близнецу). Аллотрансплантат – трансплантат от генетически отличного донора того же вида и, наконец, ксенотрансплантат – от представителя другого вида.

– Ну, как я понимаю, последний вариант мы вообще не рассматриваем? – подал голос Павел, сдвигая очки на нос характерным движением.

– Верно, – кивнул Никита. – Большинство трансплантатов относятся к аллотрансплантатам, то есть передаются от одного человека к другому. Донором может быть живущий родственник или недавно умерший человек. У живых доноров берут только почку и костный мозг. Однако проводятся эксперименты по пересадке небольших участков печени и поджелудочной железы от живых родственников реципиента.

– У Толика отщипнули часть печени, – заметила я. – А у Владика – почку.

Сказав это, я поймала на себе осуждающий взгляд Ивонны. Ну и пусть – к черту эти психологические штучки: я не могу абстрагироваться от личностей этих детей и считать их всего лишь «жертвами» в нашем расследовании! В конце концов, Владика я знаю лично, и это все равно не позволит мне не воспринимать ситуацию как личную!

Никита видел наш с Ивонной обмен взглядами, но не прервался:

– Вся беда в том, что число людей, нуждающихся в пересадке органов, намного превышает количество доступных органов, пригодных для трансплантации как от живых, так и от умерших доноров. Помимо недостатка органов и тканей для пересадки, существует еще большая проблема их отторжения. Отторжение пересаженных органов является результатом нормальной работы иммунной системы, которая предназначена для защиты организма от чужеродного материала. Поэтому неудивительно, что механизмы, вовлеченные в отторжение трансплантата, в основном похожи на те, которые участвуют в борьбе с возбудителями заболеваний. Вот почему так сложно подобрать совместимого донора. Главные антигены гистосовместимости находятся под генетическим контролем одной системы, называемой главным комплексом гистосовместимости (МНС), а минорные антигены гистосовместимости находятся под контролем не менее сорока систем, а возможно, что таких систем – сотни. Полагают, что именно несовместимость МНС донора и реципиента вызывает иммунный ответ против трансплантата, приводящий в конечном итоге к его разрушению. Известны даже случаи отторжения почки и костного мозга при пересадке от одного однояйцевого близнеца другому, МНС которых идентичны! Отторжение с участием антител обычно наблюдается в тех случаях, когда у донора и реципиента несовместимы группы крови. Оно напоминает реакции, протекающие при переливании крови, поскольку антигены клеток крови присутствуют на всех клетках тела. Так, например, если клетки, несущие антигены типа А, пересадить индивидууму с группой крови В или О, то анти-А гемагглютинин свяжется с пересаженной тканью и стимулирует ее характерное разрушение. Таким образом, при оценке пригодности трансплантата необходимо следить за тем, чтобы группы крови реципиента и донора были совместимы. Существуют и другие типы отторжения, но я, в силу недостатка времени и боязни утомить вас, не стану вдаваться в такие подробности.

Необходимо добавить, что существуют так называемые «привилегированные» места и «привилегированные» ткани – особые зоны организма, в которых аллотрансплантаты не вызывают иммунного ответа. Таким образом,

пересаженная ткань может жить длительное время или даже неограниченно долго. Одно из наиболее известных «привилегированных» мест у человека – роговица. Пересадка роговицы помогает восстанавливать зрение. Успех этого метода лечения привел к тому, что он стал стандартной процедурой. Роговица не содержит кровеносных сосудов и благодаря этому защищена от воздействия лимфатической и иммунной систем. Наряду с «привилегированными» местами существуют также «привилегированные» ткани, которые менее подвержены отторжению. К ним относятся костный хрящ, сердечные клапаны, участки аорты и других главных кровеносных сосудов, а также сухожилия. Кости и хрящ могут храниться неограниченно долго в высушенном или замороженном состоянии; перед использованием их необходимо регидратировать или оттаять, соответственно. Помимо риска отторжения, существует еще и другая опасность – например, возможность переноса болезней при пересадке трансплантатов. Кстати, последняя проблема недавно была в центре внимания прессы в связи с пересадкой роговицы троим пациентам. Как было установлено позже, женщина-донор страдала болезнью Крейтцфельдта – Якоба, и, следовательно, существовала опасность заражения реципиентов этой болезнью через трансплантаты.

Никита закончил свой краткий ликбез и взглянул в сторону Карпухина, поднявшегося и занявшего его место. Теребя в руках изрядно помятый листок бумаги, куда он время от времени поглядывал, майор сказал:

– Это что касается медицины. Отторжение трансплантатов в прошлом было самым большим барьером на пути к успеху трансплантации. Вероятно, со временем на первое место выйдут другие проблемы, мешающие развитию трансплантационной хирургии. Самой большой из них на данный момент является доступность органов для пересадки. С ростом успехов трансплантационной хирургии увеличивается потребность в донорских органах. Кроме костного мозга и почек, которые берут у живых родственников, все остальные органы получают от умерших людей, то есть условием жизни больного становится смерть другого человека. Как ни странно, введение некоторых законов, способствующих нашей с вами безопасности, мешает развитию трансплантологии! Возьмем хотя бы закон об обязательном использовании ремней безопасности. Кроме того, с успехами медицины и хирургии количество донорских органов для пересадки уменьшилось. По некоторым данным, в настоящее время в нашей стране около девяноста тысяч человек ожидают появления органов для пересадки, многие из них могут умереть, не дожив до операции.

Ежегодно в мире выполняется сто тысяч трансплантаций органов и более двухсот тысяч – тканей и клеток человека. Лидером среди государств мира по количеству проводимых трансплантаций являются США. В России ежегодно производится четыре-пять трансплантаций сердца, до десяти трансплантаций печени и до восьмисот трансплантаций почек. Этот показатель в сотни раз ниже потребности в данных операциях. Этико-правовые вопросы трансплантации касаются оправданности и неоправданности пересадки жизненно важных органов в клинике, а также проблематики взятия органов у живых людей и трупов. Трансплантация органов зачастую связана с большим риском для жизни пациентов, многие из соответствующих операций до сих пор находятся в категории лечебных экспериментов и не вошли в клиническую практику. Взятие органов у живых людей сопряжено с принципами добровольности и безвозмездности донорства, однако в наши дни соблюдение данных норм поставлено под сомнение. На территории нашей страны действует закон «О трансплантации органов и тканей человека», запрещающий любые формы торговли органами, в том числе и предусматривающие скрытую форму оплаты в виде любых компенсаций и вознаграждений. Живым донором может стать только кровный родственник реципиента. Для получения доказательств родства требуется генетическая экспертиза. Медицинские работники не имеют права участвовать в операции по трансплантации, если они подозревают, что органы были предметом торговой сделки. Взятие органов и тканей у трупов также связано с вопросами этического и правового свойства: в США и странах Европы, где также запрещена торговля человеческими органами, действует принцип «испрошенного согласия», означающий, что без юридически оформленного согласия каждого человека на использование его органов и тканей врач не имеет права производить их изъятие. В России же действует презумпция согласия на изъятие органов и тканей, то есть закон допускает взятие тканей и органов у трупа, если умерший человек или его родственники не выразили на это своего несогласия. Итак, трансплантат может быть получен у живых родственных доноров или доноров-трупов. Основными критериями для подбора трансплантата является соответствие групп крови, генов, отвечающих за развитие иммунитета, а также примерное соответствие веса, возраста и пола донора и реципиента.

– В настоящее время, – вставил Никита, – из-за дефицита человеческих органов требования к донорам пересматриваются. Скажем, при пересадке почек чаще стали рассматриваться в качестве доноров погибающие пациенты пожилого возраста, страдавшие сахарным диабетом и некоторыми другими видами заболеваний. Таких доноров называют маргинальными или донорами расширенных критериев. Наиболее хорошие результаты достигаются при

трансплантации органов от живых доноров, однако большинство пациентов, особенно взрослых, не обладают достаточно молодыми и здоровыми родственниками, способными отдать свой орган без ущерба для здоровья. Так что, к сожалению, посмертное донорство органов – единственная возможность обеспечить трансплантационной помощью основное количество пациентов, нуждающихся в ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Об этом читайте в романе И. Градовой «Последний секрет Парацельса».

Купить: https://tellnovel.com/ru/gradova_irina/chuzhoe-serdce

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить